

А. АМБАРЦУМИАН

**ВЕЩИ О
ВЕЩАХ**

СТИХОТВОРЕНИЯ

В ПЕРЕВОДЕ Ф. Е. ЗАРИН-НЕСВИЦКОГО

**С ПОРТРЕТОМ АВТОРА И ВСТУПИТЕЛЬНЫМИ
СТАТЬЯМИ Р. КУЛЛЭ И Ф. ЗАРИН-НЕСВИЦКОГО**

ВЕНА 1929 г.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗДНЕ

обозначенного здесь срока

АМАЗАСП АМБАРЦУМИАН

СТИХОТВОРЕНИЯ

ВЕНА 1929 г.

АМАЗАСП АМБАРЦУМИАН

СТИХОТВОРЕНИЯ

В ПЕРЕВОДЕ С АРМЯНСКОГО
Ф. Е. ЗАРИН-НЕСВИЦКОГО

С ПОРТРЕТОМ АВТОРА И ВСТУПИТЕЛЬНЫМИ
СТАТЬЯМИ Р. КУЛЛЭ И Ф. ЗАРИН-НЕСВИЦКОГО

ВЕНА 1929 г.

Переводы исполнены Ф. Е. ЗАРИН-НЕСВИЦКИМ, за исключением стихотворений: 1. „Напрасны вздохи и тоска“. 2. „Я Торжество. Как звездный мир я вечен“. 3. „Сердце мое, как безбрежное море“. 4. „Я не могу идти одной дорогой с вами“. 5. „Кузнец“. 6. „Прялка“ и 7. „Вселенная душа мне“, из коих первые четыре переведены А. Е. ЗАРИНЫМ, пятое, шестое — Н. ЧЕРНЯВСКИМ и седьмое — ШАРТИ.

Zust. Zuckerguss n-Prüf

МЫШЛЕНИЕ СЕРДЦЕМ.

(Поэзия А. А. Амбарцумиан.)

Жизнь — сочетание, гармония вещей,
И лучший миг — когда, сливаясь стройно с вами,
Родные отзвуки несутся к вам, звуча,
Когда вибрируешь с другими существами
Пылинкой, атомом единого луча.

М. ГЮЙО.

Область лирической поэзии — одна из самых замкнутых. Она, как шахта, уходит вглубь, как башня, стремится ввысь, но на поверхности земли занимает небольшое пространство.

С древнейших времен проявления эмоциональной сферы человека укладывались в эту область поэтического выражения в трех направлениях: эмоции любовные, переживания красот природы и самоанализ личных настроений во всех диапазонах возможностей человека.

Если огромное большинство лирических поэтов всех времен, стран и народов, как бы символизируя вечную молодость человечества, с улыбкой на устах и с блеском страсти в глазах воспевало любовь во всех стадиях ее власти над человеком, если эти любовные эмоции естественно сочетались с восторгами перед красотами природы и „великими созданиями искусств“, то область медитативной лирики приходилась неизменно на долю „романтиков“ или философов.

Задержать мгновение не для того, чтобы сказать ему, „как ты прекрасно“, как ты полно по переживаниям волнующей меня страсти, а для того, чтобы бросить ему свою мысль, как сплав мелькнувших настроений, чтобы выразить в образах чувства связи и единства с миром, задуматься над смыслом и целью бытия — вот обычное содержание медитативной лирики, как особого вида поэзии.

И нужно сказать, что этот вид привлекал наименьшее число лирических поэтов. Требовался не только особый склад био-психической сущности поэта, особая организация его таланта, направленного на самонаблюдение, но и необычная для эмоциональных натур зрелость, философическое постижение тех неуловимых и часто мнимых связей, которые обосновываются не цепью логических доказательств, а поэтической интуицией, своеобразным прыжком в неизвестное, чтоб выхватить из него гирлянду цветущих прозрений, обязательных и убедительных только в свете лирических настроений...

Конечно, философскую систему замкнуть в стихи — нелепость. Изложить учение Маркса в ямбах можно разве что с пародийными целями. Но лирик медитативного типа чаще всего не философ в смысле кабинетного профессора. Его поэтическая натурфилософия так же похожа на систему ученого мышления, как эмоциональное мироощущение художника-живописца на оборудованную по последнему слову техники фабрику красок...

Поэт — всегда поэт: он противоречив, он неровен, он легкокрыл и первый же яркий образ его унесет

туда, куда строгое мышление ему категорически закрыло бы дорогу. Поэтому бесполезно искать систему мирозерцания в поэтическом наследии Шелли, Ламартина, Гёте, Тютчева, Гюйо и в подлежащей читателю книге.

Из этого не следует, конечно, что те же личности, не как поэты, а как мыслители или ученые, не в состоянии создать строгой системы воззрений. Мы знаем, что Гёте обладал систематическим умом ученого, что Гюйо был строго-научным социологом, но когда они преломляли свои воззрения через призму поэтических эмоций, они меньше всего имели в виду сохранение стройности системы.

Мы не случайно вспомнили „Стихи философа“ Гюйо. Небольшая книжка лирики этого философа подкупает искренностью и... случайностью экспрессионизма в выражении идей, которые в его ученых трудах так прочно и многосторонне обоснованы. Но в предисловии к своей книжечке стихов сам Гюйо счел нужным объяснить читателю свое выступление, как поэта. Он находит, что „отнюдь не исключая чувства, философская мысль всегда обнимает его собою: где дело идет о великих проблемах человеческого назначения, там, можно сказать, каждый из нас думает столько же сердцем, сколько и головой“...

Вот это разграничение на мыслительную функцию сердца и головы объясняет нам превращение строгого философа в наивно-взволнованного поэта. Снимается тога, сбрасывается парик, скрепляющий мысли в систему, забываются очки, пожиратели букв и, облегченный, поэт выходит за порог своего пыльного, перепол-

ненного книгами, кабинета на вольный воздух, чтоб в легчайшем лучике звезды, в едва уловимом шорохе растущей былинки, в раскатах отдаленного грома и в пене бешенно ревущего водопада почувствовать тесную, органическую связь всего космоса с трепетным биением его одинокого сердца в груди...

Нет! Мир всегда один: нет случая такого,
Чтоб в мире сотни раз не повторялся он:
Что было — будет вновь, что будет — минет снова...
Так в бесконечный круг сомкнулась цепь времен.

В этой общей связи элементов мира, в мириадах атомов вселенной затерялась личность отдельного человека, но она все-таки какое-то нужное и неизбывное звено бесконечной цепи. Мудрено ли, что именно так и ощущает себя это, вдруг заговорившее стихами, звено, чувствуя, что самый дар речи недостаточен по выразительности для чеканки полноты этого ощущения?

— Но разве, мысль моя, ты — новое явление?
Не так же ли, как все, и ты сама стара?

Однако, заслуженная „старость мысли“ поражает еще одной чертой — всеобщностью. Везде, где человечество выделяло из своей среды поэта медитативного типа, он неизменно возвращался к этому кругу лирических настроений, какие бы пространства не отделяли, какие бы расовые, этнические, классовые, групповые и иные особенности не отмечали во времени и пространстве его от его собратьев на всей земле...

Поэтому нас несколько не должно удивлять, что на разных концах мира поэты-философы приблизительно сходны между собой, сохраняя, разумеется, свои индивидуальные особенности.

А на востоке, где самый ритм жизни нетороплив, где веками исторически складывался тип мечтателя-философа, сводившего весь пессимизм воззрений к нирване и „суете сует“, а оптимизм — к грезе о „седьмом небе“, населенном приятными „гуриями“, — этот вид медитативной лирики приобрел совсем особый смысл и особое распространение.

Но мудрость мусульманского востока не послужила препятствием пантеистическому мироощущению поэтов, как религиозная догматика не встала на пути мировоззрения Спинозы. Эллинизм Гёте в такой же мере свободен от условностей эпохи, в какой философическая поэзия Гюйо плывет над доктринами социологии его времени...

Но своеобразный мост поэтического родства капризно перекидывается с запада на восток и с востока на запад. Разве не заслуживает внимания тот факт, что у современного поэта Армении Амазаспа Амбарцумиана, книга стихов которого лежит перед читателем, мы встречаем ту же гамму философски-медитативной лирики, что и у французского поэта-социолога М. Гюйо?

Дело совсем не в том, что Гюйо, вероятно, в свое время оказал „влияние“ на Амбарцумиана. Несомненно, что Амбарцумиан, как человек европейски образованный и интересующийся преимущественно вопросами социальной философии, изучал труды Гюйо

и в какой-то мере и степени впитал его идеи, вомкнул систему мышления Гюйо в систему своего теоретического образования. Он мог не знать „Стихов философа“, но если бы даже и знал их, то наивно было бы думать, что эта книжечка досугов социолога определила бы путь поэтических устремленностей Амбарцумиана.

Тут все сложнее, чем может показаться с первого взгляда. Разгадка лежит в био-психических особенностях личности Амбарцумиана. Почему не решили его поэтической судьбы значительно более яркие поэты, чем Гюйо? Почему в поэзии Амбарцумиана не клокочет волна любовной страсти, не шепчут ручейки эмоции нежности, а вся она устремлена на философскую проблематику, вращается в круге идей, рожденных и выношенных в сердце?

Поэтом медитативной лирики родился Амбарцумиан и, как это обычно бывает, он подбирал и запоминал на путях своих жизненных исканий только то, что могло отвечать и соответствовать его основным вкусам и наклонностям, что питало живой и теплой кровью его поэтическую манию, оставляя почти все без внимания, что ей органически не подходило и не способствовало ее развитию...

В конце концов, не так уж и важно уложить Амбарцумиана в те или иные рамки традиций: нет сомнений, что на том перекрестке культуры, на котором рос и формировался поэт, он был обдуваем и западными и восточными ветрами, он впитывал самые разнообразные влияния.

Роскошная россыпь национальной армянской

поэзии, воспринятая и усвоенная с молоком матери, с родной речью и бабушкиной сказкой, легла в основу его „идеологической надстройки“, пополнявшейся богатствами русской и западно-европейских литератур, по мере роста образования и знакомства с книгой и миром. Но никто и ничто не заставило его свернуть с того пути „поэта размышлений“, на который влекла его природа; напротив, он неуклонно и упорно шел, послушный зову, накапливая и отбирая в поэтическую сокровищницу дары веков и народов...

Основное настроение лирики Амбарцумиана, как уже указывалось, медитативное. Есть что-то тютчевское в его восприятии природы, как непостижимой тайны, над разгадкой которой тщетно бьется человек, может быть, потому,

... что никакой от века
Загадки нет и не было у ней...

Но для поэта наличие загадки обязательно. Он ее презюмирует, как творческий материал, ибо что стал бы он делать без легчайших покровов тайны?

Не говорите — нет. Есть тайный смысл во всем, —
— В дыхании цветов, лесов, и гор, и моря...

Рядом с тайной природы может быть поставлен только вопрос об истине и сути „добра и зла“. Если в философии эти вопросы давно уже зачислены в разряд „метафизики“, или, иначе говоря, в разряд праздных, то для медитативной лирики они действительны и обязательны, как риторика красоты.

Что, если никому природа не дала
Понять, где истина, в чем суть добра и зла?
Не все ли слепо здесь? — и даже бог предвечный,
Вполне ли он постиг смысл тайны бесконечной?
(ГЮЙО.)

Участие божественного начала в создании космоса освящено также давней традицией в медитативной лирике. И не потому зачастую, что таково религиозно-этическое *credo* того или иного поэта, а потому, что поэту всегда удобнее иметь дело с центральной персонификацией в виде символа, чем с длинной цепью рассуждений. Поэтому „бог“ у поэтов не метафизическая величина религиозного сознания, а только поэтический символ единства, которое ощущает художник во всем мире.

Иль светят без любви небесные светила?
Ужель владыки нет над сонмищем планет?
Какой же сотворен божественною силой
Весь беспредельный мир? Ужель владыки нет?

.....
Ложь, — во вселенной есть могучий властелин!

В мироощущении Амбарцумяна единство — основной мотив его поэзии. Здесь „бог“ — такой же атом, подчиненный общему закону вечности, как и „песчинка“, и „волосок“:

И все, что родилось, — все в существе нетленно.
Песчинка ль, волосок — для всех один закон.

Однако, этот „закон“ не так-то легко сформулировать на основании эмоционально окрашенного „мышления сердцем“. Гераклит когда-то определил

„сущность бытия“, как закон текучести: все, мол, течет. И вечность, по Шелли, тоже „пучина без начала и конца“. Из этой вечности закономерно приходят и в нее уходят явления...

Амбарцумиан тоже не пытается разгадать этого „закона вечной текучести“. Он его просто констатирует:

Но куда течет река та,
Нам никто не рассказал.
Жалкой пеной без возврата
Ты пронесся и пропал...

Но Амбарцумиан не был бы поэтом, если бы он продолжал настаивать на обязательности и неотменимости этого закона, показывая его действие по всем фронтам жизни. Этот образ возник, поманил, увлек и отлился в окрашенное определенным настроением восьмистишие: он свое дело сделал.

Гораздо характернее для нашего поэта совершенно неизбежный для всякого медитативного лирика „художественный солипсизм“.

Не бог стоит в центре всего сущего, а сам поэт. Мир существует постольку, поскольку существует поэт. Неужели жизнь может продолжаться после смерти личности? Как только воспринимающее „Я“ перестало ощущать мир, он неизбежно должен рухнуть. Для чего ему дольше и существовать?

В одном стихотворении Амбарцумиан еще в нерешительности относительно взаимоотношений между ним и вселенной:

Вселенная ль меня родила,
Она ли мною рождена?

Гордый микрокосм восстает против макрокосма.
Еще шаг и он ему бросает прямой вызов:

Исчезну я — со мной исчезнут мрак и свет,
И время прекратит полет свой бесконечный,
И остановится движение планет.

Пространство, время, жизнь — во мне одном лишь
вечны...

А основанием для такого вызова служит поэтическая уверенность солипсиста: ... „бессмертный разум мой ей (т. е. вселенной) дает закон“.

Однако, гордыня поэта невольно должна смириться перед эмпирическим фактом: он видит вокруг себя смену рождений и смертей, видит пожирающую трупы землю, слышит стоны умирающих и скрежет зубовой борющихся со смертью. И тоскливый ужас смерти нападает на него. „Человеческое, слишком человеческое“ властно врывается в замкнутый круг художественного солипсизма и разрушает чары поэтической магии:

И все, чем дышешь и живешь,
Все будет прах и тлен...

Да, так печально кончается обычно личная судьба гордого смертного, мудрого и глупого, сильного и слабого здесь на земле. Может быть, смерть сама по себе и не страшна. Может быть, она порой и привлекательна, как избавительница. Ужас трагики человеческого сознания совсем не в том, что человек сознает свою принципиальную смертность, а в том, что он в определенный момент начнет сознавать полную неизбежность смерти для себя...

И от жути этого сознания не спасает бегство
даже в заколдованный круг солипсизма. Что толку утешать себя приятными словами! И первоначальное утверждение начинает колебаться: место знака восклицательного — знака утверждения — занимает знак вопросительный:

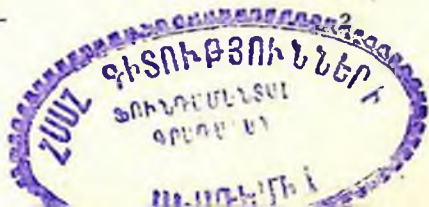
Я — ль во вселенной гость — во всем послушный ей,
Или живет во мне вселенной бесконечность?
Законам и суду ее покорен я,
Иль сам — законодатель и судья?

Как бы ни было, но „строиться к расчету“ придется. Поэта не угнетает эта неизбежность, он знает и верит, что это только этап личной судьбы:

Мою плоть — это мясо, и кости, и кровь
Я земле возвращу навсегда.
Но кому передать и мечты и любовь,
И душа унесется куда?

Может ли солипсист примириться с концом,
как с окончательным и бесповоротным небытием? —
Конечно, нет!

Не говорите — нет. Во мне живут века!
Не в первый раз я здесь, и жизнь мне здесь не нова.
Я был всегда, и вечности река
Баюкала меня у берега земного.
И мириады раз путем я этим брел,
Родился с солнцем я и с вечными звездами.
И дух бессмертен мой, как вечность. Я пришел,
И вновь уйду, и вновь приду с годами...

Теперь понятно, куда унесется душа этого поэтического буддиста, неизменно возвращающегося для новых воплощений.

Но, в сущности, поэт не так уж и неправ. Не с точки зрения банальной логики простых земных отношений, а в аспекте вечной юности человечества, с упорством порождающего на всех точках земного шара живых представителей медитативной лирики, взволнованных и убежденных энтузиастов, верящих в неиссякаемые силы „зеленой планеты“ с ее беспокойными, неугомонными, неустанно ищущими еретиками мысли, слова и настроения...

Сам рок отмечает мечтателей. Сам рок заботится о пополнении рядов все новыми и новыми энтузиастами неумирающей традиции того вида поэзии, в которой Амбарцумиан с честью занял место, как представитель армянского народа, богатого песней, мечтой и порывами в героику высоких прозрений...

Р. Куллэ.

А. А. АМБАРЦУМИАН.

(Критический очерк.)

1. Имя Амазаспа Асатуровича А м б а р ц у м и а н а, поэта, общественного деятеля, социолога и философа сравнительно мало знакомо русскому читателю, так как общественная деятельность его почти всецело протекала на окраине. Доклады же и статьи по социологии, философии и литературе частью читались автором в научных и литературных обществах, частью печатались в периодических, почти исключительно армянских, органах, но в отдельном русском издании не появлялись. Еще меньше возможности было ознакомиться нашему читателю с поэзией А м б а р ц у м и а н а. Если когда либо и было что нибудь из него переведено, то разве несколько мелких стихотворений затерявшихся в периодических изданиях, не считая вышедшего в 1904 г. сборника его переводов „Песен любви“ известного армянского поэта К у ч а к а Нахапета, со вступительной критической статьей.

Хотя предлагаемый сборник переводов является лишь незначительною частью поэтических богатств автора, но в нем все же можно усмотреть характерные черты его оригинального творчества, далеко выступившего за узкие национальные пределы и приобщившагося к единому мировому искусству, где несть ни эллинов ни иудей“.

2. Начало литературной деятельности А. А. Амбарцумяна относится к 1899 г., когда он выступил в туземной печати с отдельными статьями на разные общественные темы.

В 1903 г. он выступил со сборником стихотворений на армянском языке, — „Кровавые страницы“ изданном в Тифлисе.

Затем в 1904 г. появились сборники: „В пределах безпредельности“ и „Песни гордой души“, — оба на армянском языке, изданные в Петербурге. В том же году отдельным изданием вышли в свет 1. перевод на русский язык „Песень Любви“ Кучак-Нахапета, и 2. переводы на армянский язык русских и европейских поэтов: Лермонтова, А. Толстого, Байрона, Гейне и др.

С 1927 г. предпринято издание полного собрания сочинении А. А. Амбарцумяна, при чем в этом же году вышел I том (стихи), а в 1928 г. — II том (стихи). III том уже печатается, а IV подготавливается к печати. В последнем предполагается поместить кроме отдела стихов, капитальный труд автора, работу почти всей его жизни, философский синтез взглядов на сущность науки и познавательных процессов, на происхождение и развитие социальной жизни, на Этику, Литературу, Искусство, предлагаемый под названием: „Принципы социальной философии, или Психологические основы социально экономических процессов.“

Настоящий очерк не имеет и не может иметь своей задачей полную оценку многогранного творчества А. А. Амбарцумяна. Оставляя в стороне его труды по

экономике, социологии и философии, автор очерка принужден ограничиться предлагаемым материалом являющимся, как указывалось выше, лишь незначительной частью поэтического фонда автора, но все же дающей возможность судить об основных моментах его поэтического творчества.

3. На природу, социальную жизнь ее развития Амбарцумян смотрит с философской, чисто умозрительной точки зрения. Вся вселенная с бесчисленными ее звездными Мирами представляет лишь некоторое непрерывное и вечное единство, в котором как в едино-неделимой сущности, слиты события прошлого, настоящего и будущего:

Один закон на все века
Начертан в книге Мира, —
Едина жизнь, — и Мир един,
— Едино дело Мира...

Человек же, как некоторая, притом наилучшая и благороднейшая, по мнению поэта, часть вселенной, является лишь одной из основных и высших функций совокупной системы Мировых отношений. Отсюда идея вечности Человека, его значимости во вселенной и происхождения его из звездных Миров.

Вместе с Солнцем и звездами я в эфире вечно жил,
Млечный путь следил за мною мириадами светил.
И в невидимых частицах, словно в атомах, в огне,
Тысяч тысячи столетий жил я в горной вышине, —
И в расплавленных пучинах, — в самой солнца глубине.

Человек и творческие силы его разума, как результат Мирового развития, родились во вселенной и пребывают с нею в вечной и гармонической связи. Перефразируя, с этой точки зрения, изречение Шекспира: „Мы из той же материи, из которой созданы и Мечты!“, — Амбарцумян мог бы сказать:

„Мы из той же материи, из которой созданы
и Миры“...

Как высшая организационная форма вещественного Мира, одаренная вечным светом Разума, человек соединяет в своем лице, как в едином синтезе Мирового бытия, высшие об'ективные достижения развития во вселенной, являясь как бы средоточием сознания сил, действующих во времени и пространстве:

Времен и бытия единственная связь,
— Я измерял душой безгранности эфира,
Со смертью жизнь во мне враждует каждый час,
— Я берег радостный Неведомого Мира.

В этом сознании своей нераздельности и полной слиянности с природой, человеческий дух является неизбежным участником и разрушительных, и созидательных ее проявлений. В ней воедино слиты, по выражению другого поэта, „И бури явные природы, и бури тайные страстей“. Как бы в развитие этих идей Амбарцумян говорит:

Сердце мое, как безбрежное море, —
С воем проносятся вихри над ним.
Пенятся волны на буйном просторе,
— Громы грохочут с раскатом глухим...

Последовательно, все более и более углубленно рассматривая отдельные мощные течения своей души, не как умопостигаемой, метафизической сущности, а лишь как естественно-исторически образовавшейся и реально данной величины, Амбарцумян приходит к мысли, что творческое божественное Начало скрывается только в человеке, но отнюдь не во внешнем об'ективном Мире, что следовательно, Идея Бога и возмездия, возникшая в результате социально-психической эволюции, имеет значение лишь импульсивного фактора развития, но не как об'ективной, вне человека пребывающей, самостоятельной сущности:

Довольно вы сказок безумных шептали, —
О Боге — Творце и небес, и земли:
Мы тысячи лет его смело искали,
..... но не нашли...

Этих данных, как нам кажется, вполне достаточно, чтобы вывести заключение, что поставленные поэтом себе задачи, основные черты его Мироощущения и характер его творчества дают право отнести его к тем философам-художникам, совершеннейший тип которых воплотился в лице Гёте, в частности, Шелли, а у нас — Тютчева. Основой этого течения служит непрестанное размышление о тайнах природы, о сущности вещей и о месте человека в Мироздании. Именно такая философия поэзии, или поэзия философии является основным мотивом их творчества.

Мысль нашего автора вечно пытлива, вечно напряжена, неустанно ищет, — иногда гордая, иногда

смиренная, иногда впадающая в отчаянье, не находя прямых ответов на свои искания, но всегда мятущаяся, по собственному выражению поэта „в пределах безпредельности“. Естественно, с точки зрения общих основ своего Мирозрения, он всегда чувствует свою неотделимость от вселенной, — он в ней, и она в нем:

Вселенная ль меня родила,
Она ли мною рождена.

Она дает ему немые образы и картины, он этим образам дает жизнь и смысл. Как Тютчев он может сказать: „Все во мне и я во всем“, ибо для него природа и бог, и храм: „Природа-источник творения, — не лгите нам больше о боге ином.“ Однако, эта природа имеет свои еще неразгаданные тайны:

Но не понять нам из книги вселенной,
; Что ее строки о нас говорят.

Человеческая душа это-вселенная, это чудесная книга, это многострунная арфа, источник жизни и творчества. Эта мысль он проводит в целом ряде стихотворений. Он верит в бессмертие:

И все, что родилось — все в существе нетленно.
Песчинка ль, волосок — для всех один закон.
Ужель лишь человек, — краса и мысль природы,
С песчинкой участи не может разделить.

4. Первый отдел сборника озаглавлен автором „восьмистишия“.

Восьмистишия, — это запечатленные мгновения, мелькнувшая мысль, блеснувший образ, настроение.

Это жизнь. И поэтому они разнообразны по содержанию. Но и здесь неизменно преобладает философское углубление в сущность вещей.

Увядавший цветок в родных горах, пронесшийся ветер уже вызывают в поэте грустные мысли о мгновении земного бытия, огонь пылающий в очаге, — для него символ:

— Кто разрушает этот прах,
Чтоб пламень вспыхнул вдохновенно.
Скажи, не в этих ли огнях
Вся тайна жизни и вселенной.

Но среди этих восьмистиший попадаются и стихотворения чистой лирики, как например. „Я чудный дом себе воздвиг.“ „Ты не хочешь высокой любви.“ „Сегодня утром я в мой пышный вышел сад“, и многие другие.

Как запечатленные мгновения, эти восьмистишия имеют, естественно, обширную скалу настроений от радостных мировосприятия до мрачного пессимизма.

Следующий отдел „Песни песен“ почти целиком посвящен вопросу человеческого духа, вопросам вечности и бесконечности, связи „человека и миров“. Постоянно и последовательно углубляясь в самого себя, автор нередко достигает здесь необычайной выразительности в изображении состояния души, воедино слившейся со стихийной природой, когда все бытие как бы растворяется в окружающем мире, все отдавая ему и все воспринимая в себя:

На солнце так ярки цветы, —
Но кто же из сердца на землю

Принес мои сны и мечты?
Брожу я по берегу моря,
Затмилось небо грозой,
И волны на буйном просторе
Грома вызывают на бой.
Я сердцем грозе этой вторю,
Кто ж вырвал ее у меня,
Кто отдал и небу, и морю
Грозу моего бытия?

Дерзновение мысли, вера в ее всемогущество и вечный призыв к свободе характерная черта поэзии Амбарцумяна.

Я в глубине самой вселенной
Раскинул дерзостью шатер,

* * * * *

Крылами мысли обойму я
Многообразие миров.

5. Последний отдел сборника носит наименование „Вдохновенный труд“.

В этом отделе с особой яркостью звучит призыв к свободе путем творческой работы. Вся вселенная творит, и в эту творческую работу вовлечен гений человека.

Художественно-чередую символические образы и отвлеченные идеи с реальными образами в обстановке фабрики или завода, искусно сплетая их в одно целое, поэт дает грандиозную картину вселенской, дышащей мыслью и творчеством, фабрики, где ткутся ткани исти-

ны и красоты, где выковываются вековые образы и идеи:

Он должен гореть, непрерывно гореть, —
— Божественный горн вдохновенный.
Пытайте, пытайте, чтоб даже на миг
Шум фабрики жизни и мысли не стих.

.....
Высокие мысли вам надо отлить
И бога из огненных волн сотворить.

По мысли поэта трудовой процесс в общественной человеческой жизни испытывает могущественное влияние разума и других социально-психических факторов и, в результате этого, приобретает характер сложно-координированного движения вперед, в сторону социального и духовного отбора наилучших и совершенных форм бытия.

В этом сложном социальном отборе со всею явственностью выступают условия все более сильного и все более глубокого преобразования сил природы с целью подчинения их разуму. Отсюда представление Человека, как действительного Творца, одаренного божественной силой и идущего по пути создания Нового Мира, более совершенного и озаренного светом Разума, Правды и Любви. Такая трактовка проблемы о действии Трудового процесса и связанных с ним перспектив будущего дает возможность поэту подняться на вершину идеально — возможного развития сил Человеческого разума и облечь его в форму высшей, поэтической абстракции. И не даром Человек, носитель преобразующих духовных сил, в глазах поэта

становится божественным творцом новой жизни, Нового Мира и новых возвышенных путей:

И в быстром вихре палящих огней
— Создатель грядущих возвышенных дней, —
Ты мастер, бросающий искру в тьму,
— Чем ты уступаешь творцу самому.

Связывая человека и его разум только с действием сил вещественного Мира и отвергая, как указывалось выше, возможность существования во внешнем об'ективном мире божественного начала, пребывающего лишь в человеке, как некоторая потенциальная способность к высшим проявлениям Творчества, поэт восклицает:

Забудьте седые сказания времен —
О мощи богов и твореньи.
Все сказки, все только бессмысленный сон, —
— Металл лишь источник рожденья...

В представлении поэта трудовой творческий процесс имеет тенденцию понижать весь об'ективный вещественный мир, превращая его в об'ект своего воздействия:

Пусть звон вдохновенный по Миру бежит,
— Звони, ни на миг не смолкая.
Пусть истина вместе со звоном летит
По Миру от Края до Края...

И если человек, как вдохновенный творец нового Мира, способен воспламенить его огненной мыслью и двинуть на путь вечного Торжества, Добра и Красоты, то прав поэт говоря:

О наковальню бей ты Молотом побед,
Без устали ты бей, еще ударь и куй, —
И пусть убогий Мир отыщет верный след...

Наконец, для полной характеристики поэта надо отметить еще одну черту в его творчестве. Он нередко прибегает к символам, но было бы грубой ошибкой причислить его к символистам, как известной школе и вполне определившемуся понятию. Поэзия без символа существовать не может, и символы нашего автора не искусственны, не вычурны, не выдуманы. Они просты и естественны, т. к. вытекают из самой сущности идеи. Прометей, Дон Кихот и орлы римских знамен, и наш серп и молот — суть тоже символы. А м б а р ц у м и а н же во всех своих символах прост и ясен. Это только одно из оружий его богатого арсенала.

6. В заключение необходимо отметить описательную сторону в поэзии А м б а р ц у м и а н а.

По самой природе своего творчества, по его художественной и философской идее, поэт относится к природе проникновенно и с любовью. Это его внутреннее содержание. Но рядом с этими он дает разнообразные и сильные картины внешних явлений природы, — ее мирную цветущую красоту, как например в стихотворении „Роскошный сад пленяет взор“, и ее бури, — изображения которой чрезвычайно ярки и сильны у поэта:

И затмевая блеск лазури,
Гоняя тучи в небесах,
Несутся бешенные бури
На огнедышащих конях.

В заключении надо сказать, что диапазон творчества поэта очень широк, настроения его и темы разнообразны, как разнообразна душа человека.

Такова схематически-краткая характеристика этого поэта. Со временем, когда он будет представлен во всей полноте, конечно появится более значительная и разносторонняя оценка его произведений.

Мне остается сказать несколько слов *pro domo sua*.

Работа переводчика ответственна, и тем ответственнее, чем крупнее переводимый автор, и вдвое ответственна, когда этот автор представляется впервые целым сборником. В переводе возможны, даже неизбежны, ошибки, слабые места и неточности.

Да не посетует на меня за них ни сам автор, ни читатель, *feci, quod potui*.

Ф. З а р и н - Н е с в и ц к и й.

ПРОЛОГ.

Ни конца, ни начала дорог своей жизни найти я не мог.
Я не знаю, кто вечным огнем
Мою душу и мысли зажег.

Непонятым путем я во мраке ночном,
Словно ветом гонимый, блуждал,
— Далеко, одиноко в тумане густом.

Но я чутко внимал, голоса я слышал
Человека и гор и лесов,
— И что солнечный луч мне шептал...

И ласкающий зов пышных вешних цветов,
И осеннею поздней порой —
И печали, и ропот увядших листьев!

И с вечерней зарей я томился тоской.
Неизменной дорогой текли в небесах
Хоры звездных светил надо мной;

Я читал в их лучах о далеких мирах.
Я напевы слышал в голубой высоте
В несказанных эфира волнах.

Волны пели мне те о святой красоте,
И об истине пели они
В бесконечной ее чистоте.

И теперь, в эти дни, зажигая огни,
Несказанные песни пою,
Несказанные песни мои!...

О мирах я пою, о путях я пою,
О виденьях и свете во мгле,
О бессмертной тоске, о бессмертных словах,

— Я о небе пою на земле.

I. ВОСЬМИСТИШЯ.

1. Если б тысячу лет я писал,
Если б тысяча было писцов,
— Все равно я души бы своей не сказал,
Хотя б тысячу взял мастеров.

Все, что в жизни я видел, и чем я болел,
Все в душе обратилось моей
Словно в вечное море, — и кто бы сумел
Рассказать тайны вечных морей?

2. Из бездонных пучин пусть не только один,
А хоть тысячи черпают воды, —
Но все дождик и снег, и течение рек —
Будут море питать безконечные годы.

Вдохновеньем дыша, вся открыта душа, —
От земли до небес ее море.
Сколько б я не писал, я б всего не сказал
На ее безграничном просторе.

3. Друг, пока на земле ты гостишь,
— И в пирах, и в любви всей душой насладись.

И внимательно жизни прочти письмена,
А потом уходи, все изведав до дна.

Этой жизни нам смысла понять не дано,
Лишь в душе сохрани, что тобой прочтено.

В этой книге ни буквы нельзя перейти,
— Как и автора книги познать и найти.

4. В полях летучий ветер скор,
И жизнь подобно улетает,
Иль, как цветок родимых гор,
Лишь распустившись увядает...

К чему ж весь шум, заботы, сны?
Как ветер наша жизнь мгновенье...
Не жаль любви, не жаль весны, —
— Все смерть возьмет в добычу тленья.

5. У очага, в тиши ночей,
В раздумьи над вселенской тайной, —
— Следи игру живых лучей —
В их красоте необычайной.

Кто разрушает этот прах,
Что б пламень вспыхнул вдохновенно?
Скажи, не в этих ли огнях
Вся тайна мира и вселенной?

6. Я чудный дом себе воздвиг,
В нем все сокровища земные.
Смотри, чтоб мститель не проник
В его покои золотые.

В моей груди чудесный дом,
Там пир, огни и ликования,
И ты одна царица в нем, —
— Источник чистого сиянья!

7. Не говорите, — нет. Душа во всем жива.
Морские волны гимн поют звездам бессонным,
О чем то говорит шумящая листва,
И горы к небесам призывают отдаленным.

Не говорите, — нет. Есть тайный смысл во всем, —
— В дыхании цветов, лесов, и гор, и моря.
Поставь пустой кувшин навстречу ветра, — в нем
Услышишь ты и вздох, и шум, и вопль горя.

8. Нет ей, вселенной, предела в гармонии вечной движенья,
— Я ж во вселенной стою одиноко. Но кто из нас старше?
Чей углубленнее дух, чей порывистей гений могучий?
Я иль она? Из эфирных пространств бесконечных
Свет нерушимый течет. И текут бессмертные мысли
Тоже из самых глубин существа моего. Но из этих
Светлых течений какое бессмертнее в вечности будет?
Жгучие мысли мои иль звезд бесконечных сиянье?

9. Две чудные книги лежат предо мной:
В одной для меня все понятно, —
Там ярко начертан весь путь прожитой,
Все то, что ушло невозвратно.

На книгу другую наложен запрет,
Язык ее чужд бесконечно.
Из мира другого — свидетеля нет.
Та книга о правде предвечной...

10. Не говорите, — нет. Во мне живут века.
Не в первый раз я здесь, — и жизнь мне здесь не нова.

Я был всегда, и вечности река
Баюкала меня у берега земного.

И мириады раз путем я этим брел,
Родился с солнцем я и с вечными звездами.

И дух бессмертен мой, как вечность. Я пришел,
И вновь уйду, и вновь приду с годами...

11. Безвестный, темный путь земной
Уж многие прошли,
Но только из страны иной
К нам вести не дошли.

Пока ты здесь, — будь зорек, друг,
Всем запасись и жди.
Ведь может быть, нелепо, вдруг
Услышишь, — уходи!

12. Плохо выстроен мой дом, —
В нем душа уныло бродит.
Глина, известь лишь кругом,
Сердце места не находит!

Что мне этот прах земной?
Если б мог — душе печальной
Я б воздвигнул дом иной,
Дом воздушно идеальный!

13. На вратах высоких жизни не прочесть нам письма, —
За воротами дорога, — не разгадана она...
В жизни книг прочел я много, — нет разгадки ни
в одной, —
— Где тот гений, кто сумел бы сам направить путь
земной? ...
И не будет властелином над судьбою человек, —
— Ведь бесчисленные сети не порвать ему во век.
Хочешь, — нет, — но перед смертью ты беспомощен
в борьбе,
— Не прочтешь страниц ты вещей в книге жизни о себе!

14. Мудрецом себя считаешь, словно понят мир, тобой.
Что ж в душе твоей творится, — сам не знаешь ты
порой.
На концах своих-же пальцев — сколько точек есть —
сочти,
— Сколько линий на ладоне эту сеть могли сплести?
Если ты познать не можешь кончик пальца у себя,
Как постигнешь строй вселенной, смысл и тайны бытия?
Нет, живи безпечной птицей. Не постигнешь тайн
немых.
— Тайну жизни, сущность мира знает тот, кто создал
их...

15. Довольно вы сказок безумных шептали —
О божь-творце — и небес, и земли!
Мы тысячи лет его смело искали
С свечею в руках, но нигде не нашли.

Но светлую мыслью, в огне вдохновенья,
Нашли мы, кто вечным сияет творцом:
— То мать — пророда источник творения, —
Не лгите нам больше о божь ином!

16. Когда к моей крепости смерть подойдет,
Без спора я ей не открою ворот.
Скажу, — покажи мне приказ неизвестный,
Что отдал тебе господин твой бесчестный.

Скажи мне, там есть-ли любовь и весна?
Ты гость самозванный, иль кем послана?
— Нет, нет, я не буду обманут тобою —
И в крепость ворот я тебе не открою.

17. Иль светят без любви небесные светила?
Ужель владыки нет над сонмищем планет?
Какой же сотворен божественною силой
Весь безпредельный мир? Ужель владыки нет?

К чему ж тогда души напрасные порывы —
Проникнуть в глубину неведомых пучин.
Кто б мог истолковать нам вечности призывы?
Ложь, — во вселенной есть могучий властелин!

18. Пусть не скажет никто, что на сон его жизнь не похожа.
Пусть не скажет никто, что судьба не смеялась над
сердцем.

Зло и насмешку, и мысль — тот же рождает источник.
Кто же может сказать, что он выиграл ставку у жизни?

В мире вещественном все — одно на другое похоже,
Жизни же вечной мы тайн никогда разгадать не сумеем.

Только злая судьба кораблем нашим здесь управляет, —
Пусть не скажет никто, что на сон его жизнь не похожа.

•

19. Пусть не скажет никто, что богат серебром он и золотом,
— Все же сокровищ небес не возьмут его жадные руки.
Пусть не скажет никто, что он нищ, ничего не имея, —
— И у него доля есть в сиянии вечного солнца.
Тщетно собираешь богатства и жаждешь все больше
и больше.
Ведь погибнешь в борьбе, а с собой не возьмешь ни-
чего ты.
Тайну жизни пойми, изучая бессмертные звезды...
Да не похвалишься здесь, что ты первый во храме
вселенной.

20. Если жизнь протекает в безвестной дороге,
Если день мой проходит в безумной тревоге,
Зачем этот плач, шумной жизни возня, —
Ведь все также бесследно пройдет для меня.

Ненужный актер, выступавший на сцене,
Сыграл я свою предрешенную роль.
Пора уходить, уж другие на смене, —
— К чему ж этот плач, эти слезы и боль?...

21. Прекрасно все здесь, в этом пышном зале, —
— Весна, любовь, мечты и розы здесь и там.
Звенит напев, кипит вино в бокале...
Что значит этот пир? И где хозяин сам?

Как странен этот пир под кровом незнакомым: —
Вино, цветы и песнь не скажут ничего.
Зачем мы здесь, и где хозяин дома,
И что сулит нам это торжество?

22. Сердце словно книга в тысячи страниц, —
Летопись миров, — в ней вечность без границ,
Жалкая песчинка, волосок один,
Тьма и свет, и солнце, звездных блеск долин,
Человек и звери, — все есть в книге той.
Я люблю ту книгу развернуть порой...
Летопись миров и тайны прошлых дней,
— И вся жизнь вселенной отразилась в ней.

23. О, великий живописец, красок тысячи ты взял,
Кистью творческой широко свод небесный начертал.
Жизнью вечною полотна ты сумел одушевить, —
Так чего же не достало совершенство сотворить?
Отчего твое все дело так бессмысленно темно,
Или красок не хватило, или тесно полотно?
И любовь, и свет, и солнце, и весна здесь так ярка,
— Рядом с ними смерть и горе, и печали, и тоска...

24. Снег идет однообразно, молчаливый снег идет.
Сердце плачет так напрасно, жизнью тусклою живет.
Кто же сеет, сверху сеет этот снег и седину,
Седина, как снег белеет, старость клонит нас ко сну.

И стучат колеса где то, жернова все трут и трут,
Что там мельт? Кто же это? Для чего их вечный труд?
Все идет игра пустая, и с бессмысленной игрой,
Кто то ткет не уставая, ткет нам саван гробовой.

25. Златострунную арфу я в сердце ласкал,
 Пели струны певуче и складно.
Но какой то глупец невзначай оборвал
 Золотую струну беспощадно.

И напрасно я мастера долго искал,
 Чтоб струну заменил он другою...
Не струну, — ты нить жизни во мне оборвал,
 О, глупец, что мне делать с тобою?

26. Скажи мне, творец, о, зиждитель миров,
Зачем ты связал меж собою
Материю, — вечный источник грехов,
С высокой и светлой душою?

Материя — гибель, безумье и тлен,
Душа же прекрасна и вечна.
Материя — лживый, мучительный плен,
Душа — это гений предвечный.

27. Кто видал престол тот вечный, где сидит владыка сил,
Безначальный, бесконечный, в блеске царственных
светил,

И рабов подвластных судит там с престола своего?
Кто твердить об этом будет? Кто же видел самого?

Но он есть и обитает, в торжестве творящих сил,
Лишь во мне, где созидает хоры стройные светил,
И во мне царит он вечно — в грозах, в буре, в тишине . . .
Во вселенной бесконечной его место — лишь во мне.

28. Ты не хочешь высокой любви. Отчего?
Иль певец разлюбил безнадежно?
Если так, то зачем же на сердце его
Все рисуется образ твой нежный?

Отчего отгоняешь любовь по весне?
Ты в душе у меня в цветниках обитаешь.
Если б было не так, — то зачем же во сне
Ты как сладостный луч мне сияешь?...

29. Угнетенным, униженным я говорил:
Ваше место — в душе у меня.
Ваши муки, восторг и любовь пережил
В сердце, вам сострадающем, я.

Так зачем вы грозите в безумьи своем,
Мне пути преграждая мои,
Иль хотите разрушить цветущий мой дом,
Что б увидеть там скорби свои?

30. В твоём саду, садовник, рядом
Взросли и терны, и цветы.
Их семена бросал по грядам
Ведь сам владетель сада, ты.

Творец, зачем же громы гнева
За преступления земли?
— Ведь это твоего посева
Плоды добра и зла взошли!

31. Я слышал, что как будто в самих небесах —
Кто то ткёт жизнь и смерть на просторе.
Роковая судьба, это ты, в чьих руках
Наши весны, и радость, и горе.

Если б громом и молнией я обладал,
Если б были властительны руки,
Я б сломал твой станок, чтоб он больше не ткал
Саван смерти, печали и муки.

32. Сегодня утром я в свой пышный вышел сад,
Как был блистателен моих цветов наряд?
Не распахнуть ли мне дверь сердца в сердце сада,
Там образы и сны, — моей души отрада.
И распахнул я дверь, и вышли на порог
Мечты мои, любовь и призраки былого.
Но победить стыда никто из них не мог, —
— Поблекли все они, от взора им чужого.

33. Смерть придет и ко мне, с приглашением в свой дом.
Нет добра у меня, что б я мог завещать.
 Но кому передать
То, что в сердце ношу я своем.

Мою плоть, — это мясо, и кости, и кровь
 Я земле возвращу навсегда.
Но кому передать и мечты, и любовь,
 И душа унесется куда?

34. Едва лишь в сердце у меня
Взошли цветы весны,
Едва взлетела мысль моя
До звездной вышины, —

— Мой день поблек, погас мой свет,
Дошел я до черты.
Но кто же проклял мой расцвет,
Моих богов, мои цветы?

35. Как письмо из неведомых стран, —
Непонятно вам сердце мое.
Сквозь тоски безконечный туман —
Слабо светит мое бытие.

На чужом языке письма, —
— Тайнам сердца чтеца не найти.
Чьей любовью лампада моя возжжена,
Что, мерцая, угасла в пути?

36. Их отошло так много, много,
Но вести не прислали нам,
Какой ушли они дорогой,
И что их ожидало там.

Куда ведет тот путь безвестный.
Куда от сумрачной земли,
Везя духовный груз чудесный,
Уходят наши корабли?

37. Ты двигаешь небесные светила,
Как горный гром, могуча ты.
И ветер о тебе поет напев уныло,
Весне даришь ты негу, цветы.

Цветам даешь ты нежное дыханье,
И шопоты листвы тобою лишь полны,
Любовь, рождаешь ты мечты, восторг и сны, —
— Гармонию и сущность мирозданья!

38. Ложь, не ушли любимые мои,
С кем некогда я жил. Они всегда со мною, —
— В сердечной глубине я нежно их покою.
Ложь, не ушли весны пленительные дни, —
— Они горят в душе на небосклоне чистом.
Вся жизнь, — печаль, любовь, добра и зла цветы,
Живут в моей душе в сиянии лучистом, —
— На вечном полотне бессмертные черты.

39. Вот посуда из глины, убога она,
Но внутри она пламень скрывает,
Наша жалкая плоть из земли создана,
Но в ней вечности пламень пылает.
Для чего же, природа, в посуде такой,
Как в тюрьме, ты огонь заключила?
Для того ль, чтоб он сжег этот остов земной!
Что же доброго ты сотворила?

40. С собакой гончей, неизменно,
С огнем в руках из века в век
Добычи ищет во вселенной —
Охотник вечный, — человек.

Хоть будет все, как вечно было,
Но все ж он должен победить,
И был бы рад, когда б был в силе
Порядок этот изменить!

41. Один лишь путь есть избавленья
От рабства душ, что нас гнетет, —
Пусть мысль в порыве дерзновенья
Вселенной цепи разобьет.

Пусть она одним ударом
Разрушит ветхие тиски
Для новой жизни. Ведь не даром
По духу мы большевики!

42. Не тоскуй, душа, напрасно,
Кто утратил — не вернет.
Жизнь — река порой ненастной,
Что возьмет, — то унесет,

Но куда течет река та,
Нам никто не рассказал.
Жалкой пеной, без возврата,
Ты пронесся и пропал!

43. Я в сердце думал сокровенно,
Но никогда решить не мог,
О первородстве со вселенной,
И кто из нас творец и бог?

Вселенная ль меня родила,
Она ли мною рождена?
И чья щедрей бросает сила
Добра и правды семена?

44. Кто шепчет в сумраке ночном,
Слова мои же повторяет?
И тихой ночью мысль ласкает
Вспоминанья о былом?

Но кто зажег мне в сердце пламя? —
— Не угасить того огня.
И свадьба, яркая цветами,
Вершится в сердце у меня.

45. Жизнь одну имеет тайну,
В сердце врезана она, —
В письменах необычайных, —
Кто прочтет те письма?

Тот язык не знают люди,
— Все храню в душе моей, —
Как в таинственном сосуде, —
И чего, чего нет в ней.

46. Долина жизни — чудеса, —
Кто насадил в ней сад чудесный,
Кто был свидетель неизвестный,
Когда творились небеса?

Кто прочитает в книге жизни,
Куда отсюда мы уйдем?
И есть ли путь к иной отчизне,
И что свершится здесь потом?

47. Есть у меня на сердце тайна,
Но как ее мне передать.
Ведь нашей речью обычной
Я не могу ее сказать!

Душа полна в своем просторе,
Но слаб и беден мой язык,
Чтоб показать вам это море,
Чтоб взор ваш в глубь его проник!

48. Как с деревьев лист, безшумно
День сегодняшний упал.
Сердце, сердце, что ж безумно
Я добра и зла искал!

День прошел, твой путь затмится,
И погаснет твой закат...
Что же сердце все томится
— Тем, кем прислан, — буду взят...

49. Во тьме безконечной, во тьме беспощадной,
Сред стона и плача нас гонят. Куда?
Не светит надежда лучем нам отрадно,
В пути неизвестном не светит звезда.

И в сердце погасли огни и лампы,
И черные цепи звенят на руках.
Язвит наше сердце тоска без пощады, —
Нас гонят в неведомый ужас и мрак...

50. Азарт игры вся жизнь, — не боле,
Но в душу кто вложил азарт?
Богат иль нищ, — играй в неволе,
Жди от судьбы удачных карт.

Кто ж душу нам игрой тревожит,
И где безумию конец?
Не сам ли ты игрок, быть может,
Порядка этого творец!...

51. Закрой же глаза. Позабудь этот мир.
Имея одно — не ищи, чтобы тысячи были.
Уйдешь, — без тебя будет тот же все пир,
И тщетно мечтать, чтобы слез люди больше не лили.

Кто б мог сосчитать побывавших на пире гостей,
Иль весть донести до миров безпредельной вселенной,
О том, как здесь все преходяще и тленно?
— Ведь ты ничего не изменишь, — так слез бесполез-
ных не лей!...

52. Постигни, сердце, смысл и сущность жизни нашей.
Всю тайну бытия когда постигнешь ты,
Твой будет путь светлей, спокойней, краше,
И расцветут заветные цветы.

Но если ты, теперь хозяин дома,
Все же не постигнул тайны мировой,
Что там узнаешь ты, где все нам незнакомо,
Куда уйдешь с несбывшейся мечтой?...

53. Эфирна эта ночь, свободна и нежна,
И я созвал на пир мои воспоминанья.
Огни бесстрастных звезд пусть медлят в вышине,
Играют и блещут цветы моих страданий.

О, ночь, не уходи, дай насладиться мне
Всей прелестью мечты полуночного пира...
Огни бесстрастных звезд пусть медлят в вышине,
— Сияют мне цветы из глубины эфира...

II. ПЕСНИ ПЕСЕН.

1. Ты когда, Творец незримый,
Свой Шатер разбил во мне,
И зажег в душе томимой
Словно радугу весне?...

Кто там в трауре льет слезы?
Да, его я узнаю:
— Это смерть мне шлет угрозы
И хоронит жизнь мою!...

В сердце вечное боренье,
Радость, горе, мрак и свет,
Смерть и жизнь, и вдохновенье...
— Что же это, — сон иль бред?...

2. Безконечно путь мой длинен, безконечна жизнь моя,
У всего одно начало в этом мире бытия.
Мириады дней печальных, — все сплелись одним узлом,
И судьбой неотразимой целый мир таится в нем.
Вместе с солнцем и звездами я в эфире вечно жил,
Млечный путь следил за мною мириадами светли.
И в невидимых частицах, словно атомах, в огне,
Тысяч тысячи столетий жил я в горной вышине, —
И в расплавленных пучинах в самой солнца глубине...
И как свет всепроникающ, я лучем чудесным стал, —
Безконечно, неустанно луч дробился и сиял. —
Он безчисленные сферы во вселенной пронизал...
И из сферы звезд и солнца лишь недавно сброшен я,
И земля дала мне формы здесь земного бытия.
Лишь вчера меня, как будто, мать в мученьях родила,
И когда в тяжелых муках родила она на свет,
Из души ее раздался полный ужаса привет...

Словно всем сказать хотела, чтобы знали все кругом,
Что пришел я, — но откуда? И куда уйду потом?
И наступит час последний, — отойду от мира я,
И мой прах в тоске проводят братья, сестры и друзья.
Их последний плач печальный скажет правду вам о том,
Для чего я в мир явился и куда уйду потом?
С вечной думой взор бросаю на далекие пути, —
Часть ничтожную прошел я, — бесконечно мне идти.
Вопль ужасный в час рожденья, плач в час смерти
скажет вам
О моих путях далеких, о блуждании по мирам...
Бесконечно путь мой длинен, бесконечна жизнь моя,
У всего одно начало в этом мире бытия!
Я бессмертен во вселенной — дух бессмертный существа,
Есмь и был, и вечно буду я в слиянии вещества...

3. Я в глубине самой вселенной
Раскину дерзостно шатер, —
— В исток времен проникнет взор...
Высокой жизни вдохновенной
Свои напевы посвящу,
И все, что будет, есть и было,
В своей душе я запишу.
Как солнце первое всходило,
Как наша сила родилась,
Я возвращу событий связь,
Крылами мысли обойму я
Многообразие миров
И духа нашего найду я
Богатство тайных рудников...

И в мириадах всех событий
Вселенной, — в множестве веков,
Найду таинственные нити, —
Связь человека и миров.
Когда б я мог проникнуть в тайны,
Увидеть истины черты,
И смысл понять необычайный,
Что значит в жизни „я и ты“.

4. В твоей душе незыблемый закон, —
Несокрушимый, как закон вселенной.
В твоей душе для тайных оборон
Оружье есть и крепостные стены!
И все затем, чтобы твои дела,
И жизнь твою гармония слила.
Как небо звездное, — широк твой светлый гений,
Творенья вечности исследует твой ум!...
Ни бури, ни грома, ни мрачные виденья
Не в силах колебать твоих высоких дум!
Ты, — властелин единый, неизменный, —
За бытием следишь из века в век.
И мысль твоя победна над вселенной,
Не даром ты зовешься: ч е л о в е к.

5. Пусть в море все реки стремятся года,
Бежит за волною волна, —
— Но все ж не наполнят его никогда,
Безбрежное море без дна.

И жадное сердце об'емлет тоска,
И жаждет все больше оно!
Пусть ветер над морем несет облака, —
Другие придут все равно.

Пусть смерть неустанно меня сторожит,
Но в сердце сияет весна.
Из вечного моря вселенной бежит
Ко мне за волною волна.

И все, что живет, и что видим здесь мы,
Мечты и любовь по весне,
И жаркое лето, и холод зимы,
И звезды, и солнце — во мне.

6. Отчего так тяжело мне,
Ведь в груди не медь ношу я...
Но в сердечной глубине
Чьи сокровища храню я?

Дух, как светлый луч горит,
Как моря любовь бездонна.
Во дворцах моих безсонно,
— Мне весну мечта творит...

Я пытливою душою
Мир, казалось, обнимал.
Что ж мне кажется порою,
Что и беден я, и мал?

Пламя жизни жжет и светит,
Вся вселенная во мне.
Кто же в мире, кто ответит,
Отчего так тяжело мне?

7. То люстры вечные в полночи
Сияют с купола небес,
И смотрят творческие очи
На пир, исполненный чудес.
Земля на пире гость почетный,
Она других затмила клир.
Веков промчался ряд несчетный,
Как длится жизни пышный пир.

Река бежит и бурно плещет,
О чем то шепчет и шумит,
О, чьей тоской она трепещет,
О чем, бушуя, говорит?
О чем рокошет вечно море?
Иль хочет рассказать порой,
Что прочитало на просторе
Из книги вечности самой!

И затмевая блеск лазури,
Гоняя тучи в небесах,
Несутся бешенные бури
На огнедышащих конях.
И их удары так могучи,
Из черных туч грохочет гром,
И кто — то грозный из — за тучи
Грозит пылающим мечом.

К земле прижался лес угрюмый,
Таинственной исполнен думой,
Кем эта крепость создана,
Чья воля здесь совершена?
Язык природы нам вещает,
Ее мы слышим голоса,
Но все ж никто не разгадает,
Кто создал эти чудеса?

9. Нет, это ложь!

Бессмертен человек.

В нем неразрывна связь со звездными мирами...
Пусть кончится его земной, недолгий век,
Но светлый дух его опять взмахнет крылами
И к вечности взлетит он новыми путями...

Не говорите лжи. Кто видел смерти трон?
Его вам не найти. Нет смерти во вселенной!
И все, что родилось, — все в существе нетленно.
Песчинка ль, волосок, — для всех один закон!...

Ужель лишь человек, — краса и мысль природы,
С песчинкой участи не может разделить?
Нет, это ложь. Земные кратки годы,
Но в вечности не может смерти быть!...

10. Я часто брожу по полям, на солнце вперяя свой взор,
Я часто веду по ночам с звездами немой разговор,
И я вопрошаю у них: — когда наша жизнь процветет,
Достигнет высот золотых, причудливых звездных высот,
И станет прекрасна она, как небо — светла и ясна?
Зачем созидатель миров нам смертию жизнь отравил,
И лишь человеку судил все бремя, всю тяжесть оков?
Ведь в мире один только он для мук и печали рожден,
Весь мир и блеснит, и цветет, гармонией вечной звучит.
И море немолчно поет, и птица безпечно летит,
И горы светлы, и цветы всегда безпечно чисты...
Зачем человек, только он, страданью и злу обречен?
Я часто брожу по полям, на слонце вперяю свой взор,
И я обращаюсь к мечтам, летящим в небесный простор:
— Какою надеждой дыша, что ищите вы в небесах,
Когда ж засияет душа, как вечное небо в звездах?

11. В саду я блуждаю в мечтании,
Повсюду встречает мой взор
Чудесных цветов ликование, —
Я слышу торжественный хор.

Ему в упоении я внемлю, —
На солнце так ярки цветы!
Но кто же из сердца на землю
Принес мои сны и мечты?

Брожу я по берегу моря,
Затмилось небо грозой,
И волны на буйном просторе
Грома вызывают на бой.

Я сердцем грозе этой вторю, —
— Кто ж вырвал ее из меня?
Кто отдал и небу, и морю
Грозу моего бытия?

12. Пусть на пути меня встречали
Обманы, злоба и печали, —
Пусть буря мрачная ревет,
Пусть душу мне терзает горе, —
— На бранном поле, в бурном море
Корабль кормы не повернет!

Чего я здесь могу страшиться?
Нам суждено лишь раз родиться,
И я уйду, как все уйдет.
Пусть жизнь — хаос, я с нею в споре,
— На бранном поле, в бурном море
Корабль кормы не повернет!

Пока привет есть в звездном хоре,
Пока весна во мне цветет,
Пока мой разум на просторе,
Как солнце, светит мне с высот —
— На бранном поле, в бурном море
Корабль кормы не повернет!

13. Достигнувши вершин своих побед,
Зачем тоскуешь ты и жизнь считаешь бренной,
И задаешь вопрос безумный: быть иль нет?
Ведь бытие бессмертно во вселенной:
Замерзшая вода и пепел от костров —
— Следы воды, огня — все ж будут бесконечно!
Песчинка, волосок и сонмища миров —
В различных образах, но все же будут вечно!
Ты ж в бесконечной цепи бытия
Одно звено ничтожное, — не боле!
Неведомый никем, бессилен, как дитя,
Песчинка жалкая у времени в неволе, —
Машина странная!

Что знаешь ты о том,
Что было до тебя и будет что потом?
Тоскуя и томясь, меняя образ свой,
По вечному пути ты движешься в тумане,
Не зная ничего, безумный и слепой, —
Ты щепка жалкая в безбрежном океане! . . .

Не первый ты пришел и не последний в мир, —
Песчинка малая в бушующем потоке,
Что ж, мыслишь в мире ты создать иной кумир,
И изменить начертанные строки? ...
Напрасно. Тайной странною, как сон,
Покорствуя волнам, ты жить здесь обречен.
Так для чего ж так горько и напрасно
Оплакиваешь ты потерю прошлых лет,
И задаешь себе мучительно и страстно
Один вопрос безумный: — быть иль нет?

14. Безумец, посмотри, — или не видишь ты
Гармонии миров и стройной красоты!
Все сущее течет потоком бесконечно,
Единой волею направлено оно, —
В единой кузнице, в утробе вековой
Единой матери все в мире рождено.
Созвездия, луна и млечный путь над нами,
И атомы, незримые глазами,
И солнце яркое, — все дышит и живет,
И цель единая их всех к себе влечет.
Под солнечным лучем дыхание металла,
Движенье атома ничтожного, — всего
Великого и малого начало,
— Добра и зла, — едино существо.
И как поток какой то бесконечный,
Как некий дух, — источник сил живых,
Оно течет путем единым, вечным...
И вещества таят в себе самих

Свои же непреложные законы,
Которые, как мысль, неугомонны!
Вот беспредельный мир, — бесчисленность частей,
Бесчисленность видов, — несчетные картины, —
И что же, — в сущности таинственной своей
Он все таки един, закон его единый.
В ничтожнейших частях энергия живет, —
И творчества живительная сила,
Она их всех одним путем ведет,
Она их всех в одно соединила,
Она единство мира создала, —
Где все едино, — мысли и дела
Ум человеческий, пытливо вдохновенный,
Не часть ли вечности, не часть ли силы той,
Что в веществе таится сокровенно,
Одушевившая все сущее собой? ...
Явленья вещества, — один лишь образ зримый —
Живущих в нем, всегда творящих сил,

А жизнь — один полет, порыв неукротимый,
В таинственную высь, к сиянию светил.
Живет вселенная вся жизнью одною,
Та жизнь родит и мощь, и красоту,
И гения великую мечту,
Сливая все, и все родня собою,
— В безбрежный океан творящих вечных сил.
Безумец, посмотри, — все сущее едино.
Дух жизни — множества бесчисленные слил,
Как волны океан в своей немой пустыне,
— Все сущее она в единое слила,
Един ее закон, и цели, и дела...

15. Подари мне, мама, арфу золотую,
О любви и грезе песни петь хочу я.
Мир весь полон песни. Он поет печали,
Он поет о солнце, он поет о дали.
И хочу я тоже, чтобы эти руки
В струнах пробудили сладостные звуки.
И сказала мама: — сын мой, для чего же?
У тебя, мой милый, в сердце сердца тоже
Арфа золотая, струны золотые!
Тысячи их будет голосов звенящих,
Ласково поющих, горестно звучащих!
Все земные плачи, песни все земные,
Все в чудесной арфе сразу отзовется,
И небесной песнью над землей прольется...
И сказал сестре я: — книгу дай такую,
Чтоб найти в ней мог я все, что знать хочу я.
Шопотов весенних тайное значение,
Звездные рассказы и светил течение...

Кто нас заключает здесь в темницу злую,
Где мы все страдаем, где я все тоскую!...

И сестра сказала:

— брат мой, книги, гений,

Вся библиотека вечных вдохновений,

Письмена вселенной, мудрость мира, знание

И умов пытливых жадное исканье, —

Все в твоём есть сердце, все ты в нём скрываешь...

Почитай же в сердце, — и ты все узнаешь.

И сказал я брату:

— Расскажи о жизни,

Что вокруг творится здесь, в земной отчизне,

Кто нам посылает радость и печали,

Отчего мы плачем, почему страдаем,

Роковою кистью кто необычайно

Сотворил картину, кто художник тайный?

И сказал мне брат мой:

— пламень жизни вечной

У тебя таится в глубине сердечной,
И в твоём лишь сердце правда и познание,
Смысла и значенья сущности создания, —
Ведь источник жизни в сердце лишь таится...
Все, что существует, что вокруг творится,
Жизнь, миры вселенной и времен течение —
— Все в душе найдешь ты, все — ее владение!...

16. Я сегодня считал пережитые дни,
Вспоминал я путей своих темную даль,
Вспоминал моих звезд золотые огни,
И гоненья, и муки, восторг и печаль.
И сиянье весны, и надежд, и цветов,
Свои сны, и безумных, и милых друзей,
И печальные песни осенних ветров,
И увядшие листья среди обнаженных полей.

И сегодня я в сердце сурово спросил:
Кто играет со мной, кто же гонит меня?
И я вспомнил, как тесно я с солнцем дружил,
И как быстро весна промелькнула моя.
Но цветы, как и грезы, как солнце, — весна,
Промелькнули и скрылись бесследнее сна.

В алтаре, в сердце сердца я снова зывал,
И я снова, и снова в тоске вопрошал:
Кто ведет нас, кто создал мучительный ряд
Этих страшных картин, что мне душу томят?
И так ясно я вспомнил прожитые дни,
Мой мучительный путь, звезд далеких огни.
Кто же создал все это, кто их сотворил,
И с ветрами разнес, и с пучиною слил?

17. Безконечные дали и выси сияющих гор,
И пастушечьи песни и дымный костер,
И туманные сказки пред этим огнем —
— О далеких мирах шепчут в сердце моем...
Ваши чудные сказки, напевы и сны
Будят в лире моей тихий трепет струны.

Но когда смолкнут шумы дневной суеты,
И мне ночь принесет и виденья, и сны,
И таинственный, вечный костер с высоты
Загорится, —

И звезды высоких небес
Раскрывают предвечную книгу чудес, —
— Сбросив бремя забот и земной суеты,
Унесусь я туда, на вершину горы,
Чтоб зажечь на высотах святые костры,
Чтоб взглянуть далеко с голубой высоты
В безконечную даль, где творятся миры.

Чтоб проникнул мой взор в бесконечный эфир,
Чтоб увидеть того, кто создал этот мир,
И великие тайны постигнуть веков,
Чтобы слиться с тобою, зиждитель миров.

18. Это листья, это листья, вихрем брошенные в даль,
Грустно песню напевают, — им весны увядшей жаль.
Это ветер, это ветер, так упорен и суров,
Нам рассказывает были затерявшихся веков.
Брошусь я в пустое поле, буду я бродить по нем,
И склонюсь я головою там на камне пред холмом.
Вот он ветер, грозный ветер завывает все сильней,
Отражение жизни нашей, это демон прошлых дней.
Я ему навстречу брошусь, чтоб внимать его рассказу, —
(Он всеведущ), — о прошедшем и о жизни, и о нас.
Чтоб узнать, куда исчезли и народы, и века,
Что они с собою взяли, что творила их рука.
Я помчусь навстречу ветру, чтобы мне он объяснил,
Кто же шествие народов и событий снарядил,
И зачем ушел от взоров тех, кого он сотворил?

19. Для чего над моей головою
Черный ворон кружит и кружит?
Кто меня паутиною злою
В этом мире оплел и томит?

Вкруг меня так печальны руины,
Черных сов в них вселилась семья.
Что ж ты значишь, несчастный, гонимый,
И в чем смысл твоего бытия?

Пусть полет твоей мысли орлиный,
Пусть мечты тебя к небу несут, —
— Все же жизнь наша — только руины,
Где зловещие совы живут.

20. Напрасны вздохи и тоска
О прошлом невозвратном,
Напрасно ждете вы весны
В томленьи безотрадном,
Напрасно ждете впереди
Вы радости и мира...
Едина жизнь и мир един,
Едино дело мира.

Все существующее — есть
И неизменно вечно;
Творится дело лишь одно
В пространстве безконечном.
Ничем его не изменить
В безбрежности эфира...
Едина жизнь и мир един,
Едино дело мира.

Течение времени — обман,
Прошедшее — все ложно,
В грядущем — призрачный туман,
Все мелко и ничтожно.
Один закон на все века —
Начертан в книге мира, —
Едина жизнь и мир един,
Едино дело мира.

21. Я — торжество. Как звездный мир, я вечен;
Как солнца блеск, сверкает мысль моя.
В своей любви ко всем я бесконечен,
И в мире все — мне братья и друзья.

Дом для людей, для зверя логовище, —
Всяк на земле имеет свой приют;
Но мне не нужен кров ни там, ни тут —,
Вселенной храм, — вот где мое жилище!

Ни жизнь, ни смерть не властны надо мною,
Законов сердцу нет; никто мне не судья.
Я с бесконечностью сливаюсь душою,
Вселенная мой храм, и в этом храме я...

22. Сердце мое, — как безбрежное море,
С воем проносятся вихри над ним,
Пенятся волны на буйном просторе,
Громы грохочат с раскатом глухим.

Сердце мое, — словно крепость в осаде, —
Выситя гордо средь сонма врагов.
Сыпятся стрелы, трещат полисады;
Враг под стенами — ворваться готов...

Кто же возвел в моем сердце твердыню?
Кто его враг? Кто его властелин?
Кто победит в моем сердце гордыню?
Все это скрыто во мраке судьбин.

23. Я не могу идти одной дорогой с вами.
Мне чужды ваша цель и ваш поддельный жар,
И книги, полные фальшивыми словами —
Все ваши мысли — зло; вся ваша жизнь — базар.

Мне с вами не нести тяжелой жизни бремя.
Во всем вы ищете лишь выгоды свои:
Ничтожное душой — торгашеское племя,
Тебе неведом мир, — мир песен и любви!

И я иду один без ласки и привета,
Осмеян, как пророк, безумною толпой;
Но чую, — близится великий час рассвета,
И громом грянет Суд на вашей головой!

24. Времен и бытия единственная связь,
Я измерял душой безгранности эфира.
Со смертью жизнь во мне враждует каждый час,
Я берег радостный неведомого мира.

Все, — солнце, сонмы звезд, лишь мысль моя живет,
И млечный путь меня приветствует сияя.
Лишь через мысль мою путь истины лежит,
И весны из меня цветут, благоухая.

Мой дух в самом себе творит своих богов,
Мерило и закон, — во мне лишь для вселенной.
Ложь! Безконечна жизнь и смерти нет оков, —
— На зависть звезд стоит мой храм души нетленной.

Исчезну я, — со мной исчезнут мрак и свет,
И время прекратит полет свой бесконечный
И остановится движение планет.
— Пространство, время, жизнь — во мне одном лишь
вечны.

Я — неразрывная, таинственная связь
Времен и бытия, я лира во вселенной.
Со смертью жизнь во мне враждует каждый час, —
Триумф и строй миров — во мне лишь неизменно.

25. Я стою одиноко, в раздумьи глубоком,
Вкруг меня дремлет мир в тишине,
И у склона горы, там в тумане далеком
Свет костра пастухов еле видится мне.

Словно плачет о чем то, бесплодно взывая,
Или шепчет молитву журчащий ручей,
И печальные нивы в тумане до края...
А ветер... Что ищет он в шири полей?

В небе черная тучка путем одиноким
Плывет, как корабль, и стремится к луне,
И тусклые звезды в молчаньи глубоком
Мерцая, тоскуют и ждут в вышине.

Я стою одинок на просторе широком, —
В таинственной дреме весь мир вкруг меня,
Вдали огонек чуть мерцает во мраке глубоком...
О, скоро ль блеснут мне лучи восходящего дня?

26. Кто добро и зло, безвестный, насадил на ниве рядом,
В этой крепости чудесной — ложь и правду ставил
рядом?

Кто, владея этим садом, дал и тернии, и розы, —
Сов зловещие угрозы с соловьиной песней рядом...
Чьею создан волей странной этот мир цветущим садом,
Где мы видим постоянно зло с добром в едином стане,
Что безумно, что ужасно — слито с тем, что здесь
прекрасно...

Иль не видишь ты, несчастный, роковой ошибки в плане?
Ведь и сеятель разумный лишь добро на ниве сеет.
Для чего же смерть довлеет так черно и так безумно.
Шлет нам рок неумолимый и тоску, и, скорбь и муки, —
— Прерывает плач совиный соловьиной песни звуки?

27. На меня надвигается море,
 Это море земной суеты.
Наступают враги, — с ними горе,
 Буря, ужас и зло темноты.

Но пусть ветер шумит и вздымаются волны,
 Надо мной черный ворон кружит,
Атакуют враги, ярой злобою полны, —
 — Мой корабль оснащен и бесстрашно бежит...

Разсекает он грудью безбрежность простора,
 И ни злоба, ни буря его не страшат.
О смотри, как враги приближаются скоро,
 И море бушует, и волны шумят.

Но корабль мой летит все победней, —
 Все выше — он в гавань направил свой ход.
Что бури, что мир весь с его суетою,
 Он к небу, он к солнцу идет.

28. Кто меня неустанно колеблет то влево, то вправо,
Кто жестоко играет со мной,
Чей же призрак всегда надо мною смеется лукаво,
Кто там пилит, не гроб ли готовится мой?
По сыпучим пескам, по пустыням идут караваны, —
Буйный ветер их гонит, сбивая с пути,
А их путь так далек, и кругом лишь пески и туманы,
И гонимый ветрами в песках, караван еле может итти...
И как он, я иду по пустыне безбрежной,
Вырываются вихри из сердца бездонных глубин,
И самум в моем сердце гнездится мятежный...
Лживы страсти мои, — предо мною туман лишь один.
Безпощадно в пустыне влекут меня в путь бесконечный, —
Темный хаос в душе, в сердце грозный Самум,
И меня на пути к красоте удержать все стараются ум,
Мои песни и силы, и к истине вечной
Все порывы мои — все идут чередой. —
— Караван непрерывный в пустыне мирской, —

Так же я по пустыне бреду неизменно.
Меня гонит Самум, беспощаден ведь он,
И всегда он со мной и во мне он рожден, —
Только в даль меня разум с усилием ведет дерзновенно . . .
Если спросят меня, кто, скажи, снарядил караван,
Не колеблясь я громко отвечу, — он создан вселенной!
Если ж спросят меня, кто же создал пустыню, Самум
и Туман,
И чью волю творит беспощадный Самум, — я отвечу:
вселенной! . . .
Только, только она сотворила Самумы, и бури, и разум
во мне!
О, безумцы, не видите вы, что она в тишине
Все творит для себя и полна лишь собой неизменно,
И мой разум в пустыне проложит один
Непреложный свой путь, лучший путь и конечный.
И во мне лишь одном, исходящем из вечных глубин,
Начертаны ею пути к красоте и истине вечной.

29. Два бремени тяжких легли на меня,
У сердца две разных дороги:
Рожденное небом духовное „я“
И глупого мира тревоги...

То гордо борюсь за земное житье,
Чтоб буря мой дом не сломала,
То сердце кипит и клокочет мое,
Чтоб небу отчет оно дало.

Зачем же безумно связались в борьбе
И то и другое начало?
О, еслиб одно лишь носил я в себе,
Чтоб грубых забот не бывало!

Чтоб в вечное дело свое углубясь,
Готовить себя сокровенно
К тому, чтобы смело предстал я в свой час
Пред грозным судьей вселенной...

30. Как много, много думал я
И спрашивал себя:
Кто нашу жизнь все ткёт и ткёт,
Чья прялка плачет и поёт?

Свой вес имеет вещество,
Есть цвет и формы бытия,
Но сущность такова ль всего —
Во мне и вне меня?

Величина, и вес, и цвет
На самом деле есть иль нет?
И путь событий, и миров
Вершится предо мной...
Что это? Только призрак снов,
Иль сущность истины живой? ...

Кто властелин и кто творит,
Бесчисленность миров?
Вселенная ль меня живит,
Как ветер лист метет,
Иль все лишь мысль моя родит, —
— Времен и дел полет?

Она ль владычествует мной,
Я ль ею поработан,
Или бессмертный разум мой
Ей свой дает закон?...

31. В волшебный мир моих воспоминаний
Не раз я возвращусь, и книгу перечту
Чудесных образов, минувших дней сказаний,
— И в ней найду и свет, и теплоту.

Еще не раз, смилив в душе укоры,
Я перечту заветные листы,
С сердечной мукою назад я кину взоры,
В бессмертных образах найду свои мечты ...
И буду я читать ту книгу золотую,
И в умилении пролью слезу над ней!
Но кто же книгу сотворил такую, —
— Ведь, книги нет прекрасней и святей ...
Не грубым языком, не рабским начертаньем
Написана она, — о, в ней неправды нет. .
Над ней не муж, обремененный знаньем,
И не мудрец трудился много лет,
И не наемными, нечистыми руками
Священных строк ее был совершен набор!

Глубокий смысл ее не выразить словами,
Небесный иль земной в нее не вникнет взор.
Не переплетчика ремесленные руки
В чудесный переплет ее переплели,
И не писаки жалкие земли
Творили мне весну, любовь мою и муки!...
Кто солнцем озарил весь мрак моей души,
Игрой чудесных сил наполнил строки книги?
О, если тяжелы тебе земли вериги,
О, если ты скорбишь в мучительной тиши,
Открой и прочитай бессмертные страницы, —
Пленительные сказки бытия,
Событий и явлений вереницы, —
И звездные безгранные края
Ты в ней найдешь. Там в красоте нетленной
Отражены все образы вселенной.
А вне ее — и мрак, и пустота,
Ни темного, ни светлого начала!...
Идите к ней, — там свет и красота,

В ней сказки звезд, в ней все, что дух пленяло
В ней о неведомых, манящих нас мирах...
Волшебные и странные рассказы,
Таинственные песни о садах,
Где весны и любовь, цветы и звезд алмазы!...
Кто жаждет истины и вечность познает —
— К ее строкам пусть радостно прильнет.

Есть мир иной, за гранями могилы,
Под звездным сводом сердца моего.
Там правосудия вершится торжество,
 Кипят там творческие силы,
Но кто зажег в неведомые дни
На высотах моих бессмертные огни?
Пусть мудрецы придут. И пусть прочтут они
Святых страниц таинственные строки, —
Им не найти моей души истоки, —
 Хотя бы тысячи трудились лет —
 Загадкою останется ответ!

Я на ее божественных страницах
Свою мечту свободно начертал.
Созвучью слов гармонию я дал,
Я показал в волшебных вереницах
Минувших дней виденья и мечты,
Врагов, друзей...

Я верною рукою
Запечатлел бессмертные черты...
Читая часто строки золотые,
Минувшее я вижу на яву,
Былые дни проходят, как живые,
Я вижу их, я в них опять живу.
Моя весна поблекла и завяла,
Увядавшие листья уносит ветер вдаль...
Зачем же ты так кратко мне сияла,
Так рано отцвела, оставив мне печаль?
И где же вы, товарищи былые, —
Ушли мои друзья, по миру разбредясь.
С какою жаждою я буквы золотые
Читаю каждый день, тоскуя и томясь

Читаю долго я святые эти строки,
И горько плачу я над книгою моей,
И льются слезы тяжки и жестоки, —
Оплакиваю я утрату лучших дней.
Я плачу о путях к неведомому свету, —
О, кто же сотворил, кто создал книгу эту?

32. Ты — на земле. В твоей груди —
И солнца свет и бог!
Склони глаза и погляди,
Что видишь ты у ног?

Здесь тот, кто мыслил и любил,
Знал весны и мечты.
Теперь он только прах могил,
Который топчешь ты.

Пройдут года, — и ты уйдешь, —
Одна из вечных смен,
И все, чем дышешь и живешь,
Все будет прах и тлен.

Потом какойнибудь гордец
Пройдется над тобой,
Затем, чтоб, тоже наконец,
Оставить мир земной.

33. Настанет час, и смерть с собою
Возьмет меня в свой вечный дом.
Мой прах покроется землею —
— Могильным маленьким холмом.
Но к храму вечного молчанья
Когда придите вы, друзья.
Но не для скорбного рыданья,
Что смерти — слезы бытия?
Не надо жалобы напрасной,
Молитв не надо надо мной...
Скажите только:
 также ль ясно
Сияет солнце над землей,
И в торжестве своем согласно
Мерцают звезды в час ночной?...
Сквозь дверь закрытую шепните,
Нашла ли жизнь свой верный путь?

Желанной вестью оживите
Мою умолкнувшую грудь, —
Что человек свое призванье
Нашел на высях мироздания...
Придите верные друзья: —
Под сводами моей могилы
Внимать вам жадно буду я, —
— И вспыхнут дремлющие силы
В угасшем сердце у меня...
Когда ж услышу весть спасенья,
Что жизнь, приявши очищенье,
Духовно чистая цветет,
Что мир свой прежний путь оставил,
Что он теперь уже не тот,
И бег стремительный направил
Он к лучезарной высоте
И к истине, и к красоте, —

— Тогда с неодолимой силой
Я цепи смерти разобью,
Разрушу дверь моей могилы,
Чтоб видеть новую зарю,
Чтоб в этом мире вновь явиться
С душою жадной и живой,
И в новой жизни насладиться
Любовью, солнцем и весной . . .

34. Словно солнца луч, с любовью я весну вам приношу,
Я своею лучшей кровью эти песни напишу.
И из сердца, истекая, кровь незримая течет,
И для вас, неумолкая, песнь бессмертную поет...

А в душе родник таится, и из крепости моей
Непрерывно все струится свет немеркнущих огней!...
И небесные светила любят спрашивать меня;
— В роднике какая сила? В чем бессмертие огня?
Ниву, ниву золотую в сердце сердца я вспахал,
И во грудь ее святую без числа семян бросал,
И сияя с небосвода звезды спросят у меня:
— Скоро ль ты дождешься восхода? Жатва пышна ли
твоя?

35. Роскошный сад пленяет взор,
Цветы бессмертные сияют.
И берег моря, склоны гор
Они собою покрывают!
Здесь гиацинт и ландыш там —
Как жемчуг истины белеет,
Краса весны, — там роза рдеет,
Отдавшись сладостным мечтам.
И эти семьи мироздания,
Колеблясь дремлют и цветут,
И игры тайные ведут, —
Их от палящего сиянья
Деревьев своды берегут.
Им ветер с гор несет прохладу,
Кропит роса их по зарям,
Чинары стройною оградой
Стоят, подобные шатрам.
Они торжественно сияют,

Они цветут, они манят,
И волны моря отражают
В своей лазури их наряд.
Там жизнь течет, как праздник вечный,
Там все, что дышет и цветет,
Лишь красоте свой гимн поет —
Торжественный и бесконечный.
Ты создал это бытие
И хор природы вдохновенный,
Творец, единый со вселенной,
Неотделимый от нее.
И многострунной арфе этой
Ты тайну жизни подарил,
Чтоб мир, в красу тобой одетый,
Твое творенье восхвалил.

36. Древний город у берега моря.
Он о чем то в раздумьи грустит!
Извиваясь змеей на просторе
Мириадами глаз он горит,
Он из тысяч голов дышет дымом,
В сердце тысячи светят огней.
Жизнь потоком бежит несдержимым
По простору его площадей...
Это трудятся люди угрюмо,
Суета их и горе томит,
Извивается змей, — с той же думой
Древний город у моря стоит!
Жизнь вершает дела бесконечно;
Кто же, место найдя на земле,
Создал улей великий и вечный,
Утопающий в благе и в зле?
О творец, — ты един со вселенной, —
Человек притаился в груди у тебя
И следит, все следит неизменно,
Что вершишь ты в делах бытия?

37. Как будто вечности поют колокола
В моей душе, стремящейся на небо.
Кто мог бы здесь понять закон миров и жребий, —
— И жизнь, и смысл всему моя душа дала!
И снятся сны душе, и в тайне сновидений —
Природы познаю я сущность и дела,
Я вижу истину, не как обман явлений.
— И жизнь, и смысл всему душа моя дала!...
И все, что видишь ты, — все тщетно, и все лживо,
И жизнь, и смысл всему душа моя дала!
Я слышу вещей зов, призыв нетерпеливый
В тот мир, где нет ни меры, ни числа,
Где не течет обманчивое время,
Где лживых форм пространства больше нет...
О нем несу в душе тоски святое бремя,
В душе моей горит миров далеких свет, —
Обманчив этот мир, — его дела лишь тени,
Что видишь ты вокруг, пройдет, как краткий сон,
Во глубине души услышь богов веленье, —
— Звучит моя душа, как вечный, чудный звон...

38. И день, и ночь я на дорогу
Гляжу и жду последний час.
Корабль к последнему порогу, —
— Как пышен мир, но не для нас!
Поля весной в цветы одеты,
В сердцах надежд и дум запас.
Сегодня здесь, а завтра где ты?
Как пышен мир, но не для нас...
Ты много жил, трудился много.
Трудись, твой все же придет час.
К чему раздумье и тревога, —
— Все пышен мир, но не для нас.

39. Сердце мое, как разрушенный дом, —
Мысль, красота — из него улетели,
Словно томлюсь нескончаемым сном, —
Но тайна жизни для нас не во сне ли?

Дом мой разрушен, а что было в нем —
Где-то под прахом, глубоко...
Мысли, порывы с их вечным огнем,
Светлые весны далеко...

Наши страдания ввеграют нас в сон,
Сон — вечной жизни основа.
— Кем же мой дух так тревожно смущен...
Смерть ли грозит мне сурово?

40. Уж тысячи тысячей лет, как земля
Творит, неустанно рождая.
Цветут и блестят и сады, и поля,
В плодах и цветах урожая.
— Но в сердце моем созревают плоды,
Каких не дадут вам земные сады!

И жатва настанет, обильна, пышна,
Цветы и плоды безконечно.
— В саду же моем разцветает весна, —
Могуча, прекрасна и вечна!
Там ярки плоды, там цветов аромат,
И всех плодоносней цветущий мой сад!

Вселенная творческой силы полна, —
Царит в ней закон неизменный,
И силе единой покорна она.
Не я ль из садов всей вселенной
Все лучшее в сердце своем с'единил,
И в сердце, в саду у себя возрастил?

41. Какое безумье так создало нас:

 Душа, — ей пути все открыты, —
Она, словно Бог, всемогуща подчас,
 И тайны, и грезы в ней скрыты.
Но словом поведать о них не дано,
И слабо, и бледно, и нище оно!

Мне надо мгновенье, чтоб все воспринять, —
 — И вечности, тайны и мира,
И звезды могли бы во мне засиять,
 Как в волнах глубоких эфира.
Ведь все, что вокруг и чего нам не счесть,
Все духу подвластно, и все во мне есть.

И зло, и добро, и печальные сны,
 Рожденье бессмертного света,
Глубокая, вечная тайна весны —
 — Ничто не пройдет без ответа...
— Все сердцем мгновенно могу я познать,
Но только не в силах о том рассказать.

А слово, — ничтожно и слабо оно, —
И все выражает так ложно.
Плодов и цветов мое сердце полно,
Но словом сказать — невозможно!
— Оно не опишет ни даже цветка —
Из пышных цветов, моего цветника!..

42. Из родников неведомых во мне,
Как огненный поток, живая мысль струится,
И правый, вечный суд в душе моей творится...
— Как бы с трибуны сердца в тишине
Неведомый судья меня всечасно судит, —
Я слышу речь его, и ей конца не будет...
Обильный урожай моя душа хранит;
Добро и зло, и мысль, и красоту, и знание.
Но кто — в душе цепом, неведомый, стучит,
Молотит урожай и что то говорит,
И жатвы пышный дар бросает в мир страданья?...
С трибуны радостной живой души моей —
Мне кто то говорит, не умолкая вечно.
Я ль во вселенной гость, — во всем послушный ей, —
Или живет во мне вселенной безконечность?
Законам и суду ее покорен я,
Иль сам законодатель и судья?

43. От юных лет любил я в тишине —
На жизненных путях таинственные сказки.
Как горные ручьи, они шептали мне
О счастье любви, о неге и о ласке.

Они зовут, манят. На крыльях золотых,
В волшебных образах, в движеньи непрерывном —
Они несут весну в видениях святых,
— Как сладостный маяк горят огнем призывным...
Но где они? Где нежный их узор?
Гармония чудес и таинства эфира?
Их нет уже, их нет. Тоскующий мой взор
Напрасно ищет их...

Певцы, где ваша лира?
Зачем молчите вы? Ударьте по струнам, —
— И вечно юные сложите сказки нам.
Меня вскормила мать не молоком, а сказкой.
Я помню тихий сон волшебных вечеров.
Меня баюкали воспоминанья лаской —

В безмолвной тьме полуночных часов.
И образы теснились, и тени
Причудливы, как грезы сновидений.
Лишь крылья сказки уносить могли
Меня к звездам от горестной земли.
Живой родник, она нам шепчет вечно
О муках мира, о людских слезах,
И прошлое из глубины сердечной,
Как горный вихрь на радужных крылах
Она несет с печалью безконечной.
Душа тоской и жаждою полна,
И хочет сказки и чудес она.
Все в сказке есть, — и вечных гор молчанье,
И шум лесов, и говор волн морских!
В свою свирель порой поет о них
Свободный ветер. Из миров иных
Он нам несет бессмертные сказанья.
Душа тоской и жаждою полна,
И сказки ждет и требует она.

44. Вселенная душа мне,
А молния — стрела,
А звезды, бриллианты, —
Венец мне для чела!

Сломаю жизни цепи,
Неволи не хочу,
Душа моя, — мне крылья...
Далеко улечу!

Мой голос для вселенной,
Что колокола звон,
Мечта моя — быть Богом...
Я ею упоен!

45. На небе свершается чудо,
Таинственный смотр войсковой.
Кто это ведет и откуда
Победное войско на бой?

Вздымается море горою,
Клокочет оно и ревет.
Кто это к великому бою
Так грозно стихии зовет?

И в ярости встали стихии,
И молнии бросили в бой,
И грома удары глухие,
И бури неистовый вой.

Незримый властитель вселенной
В туманах небесных высот, —
Оттуда бросает мгновенно
Полки свои взад и вперед.

Полки разъяренной стихии
Покорны ему одному,
Приказы полкам боевые
Он с ветром бросает во тьму!

Он вождь этой силы могучей, —
— Ведь он раздает им на бой, —
— И ветру, и морю, и тучам, —
Оружие щедрой рукой.

Смотрите же вверх, как веленья
Он шлет в боевые полки,
Как выстроил он для сраженья
И грозы, и бури свои!

О помощи море взывает,
И в бешеном вихре ревет,
Волну за волной посылает,
— Волна за волною идет.

Несутся на грозную сечу
И в пене, и в гневѣ они,
А черныя тучи навстрѣчу
Бросаютъ имъ молній огни.

Горятъ этихъ молній пожары,
Гремитъ торжествующій громъ,
Землѣ утомленной удары
Наносятся страшнымъ врагомъ.

Все въ реве и мраке слилось,
— И бури, и трубъ голоса,
В какомъ-то безумномъ хаосѣ
Смешались съ землей небеса.

И мечутся ветры, и воютъ,
Летаютъ они по рядамъ,
Разносятъ къ последнему бою
Оружье жестокимъ бойцамъ.

Сошлись ряды боевые,
И гибель, и ужас гругом.
— Так дикие звери земные
Сражаются с диким врагом.

О чем этот спор неизменный,
Зачем их вражда меж собой!...
Зачем, о владыка вселенной,
Кипит разрушительный бой?...

46. Ты, прялка, вей за прялью прядь,
Дня не догнать.

Пряди жите и век, и день.
Злой дух, как шерсти клок.
Пряди кудель, — столетья тень,
Былое, — злой листок...

Ведь яду в уши налил я,
Проворна будь, печаль пряди.
Прокляте вынесло тебя, —
— И боль, и смерть всегда прясти.

Из молний крылья у колес,
У спиц — громов кинжал,
И дьявол, ложь — вращают ось,
— Огнистый полюс жал...
Правитель твой — безумный дух,
Берлога — целый мир.

Непостижим бессильный круг,
— Струишься в даль и в ширь!
Ты прялка, вей за прядью прядь,
Дня не догнать, —
Различно знай тоску свивать...
Удалых дума широка, —
— Запрет мой в недрах раздобыть
Душою рвутся в облака —
— Ворота истины разбить...
Напрасный труд. Поник побег
Плакучей ивы навсегда, —
Не разогнуться. Человек
В напрасных умственных родах,
Исполнен жажды и огня, —
Не в силах разгадать меня...
Ты, прялка, вей за прядью прядь
— Дня не догнать,
Различно знай тоску свивать!...

Еще в начале бытия
Хотели люди все постичь.
Из лютых сил замыслил я
Тебя, как дум смертельный бич.
Ведь ты шустра, и с этих дней
Кудель без усталы прядешь,
Из этой пряжи для людей
Как море, разольется ложь...
Из горьких дней твоих услад, —
— Неправды горкой океан,
Родясь, не всплыть из бездны зла,
И все — стремленье, все — обман...
Ты, прялка, вей за прядью прядь,
Дня не догнать.
Вей боль, и смерть, огонь и ад...
В кровавом сердце бьет хула —
И волей движется слепой.
Весну и зиму ты спряла, —

И солнце в тверди голубой.
Кудель от черных облаков, —
Гробница мыслей, — жизни прядь,
Наделай из нея клубков,
Веретено спешి мотать...
Людская душа, как раба, —
Стремится ввысь — найти ответ.
Пустой извив, — она слаба,
От света правды части нет.
Усилье прялки — молний трут,
Проворна будь, скорей наладь,
Дня не догнать.
Знаком тебе твой вечный труд, —
Различно знай ты ложь свивать,
В тебе безумная душа,
В тебе громовое крыло
Пряди, без устали кружа,
За нитью нити, грусть и зло...

Обманом кормится бедняк,
Та свора жалких горемык,
Ненасытим в своих мечтах —
Неугасим страстей язык.
Житья безцельного цари —
Обнажены, изнурены,
Мечте бессмысленной служа, —
Каких то братства и свобод,
Упорно бьется с родом род...
Слепая слава, — госпожа,
Мечта и страсть, весна — краса,
Свобода, — злые кандалы, —
Безмерным ходом колеса
Истерты в прах, — добыча мглы...
Ты, прялка, вей за прядью прядь,
Дня не догнать...
И ось верти,
Вей смерть, огонь и ад,
— Людское сердце оплести.

47. Почему бесцельно, в степи безпредельной, —
— В мире я брожу?
На его просторе, словно в темном море,
Места не найду!
И своей дорогой расточал я много
Грез, любви и сил.
Во вселенной вечной — разве бесконечно
Чужд всему я был?
Разве ветер воя, не несет порою
Тайн мне вековых?
Иль бушуя, море не расскажет горя
Мне ночей своих?
Разве жизнь земная, беспощадно злая —
Мне не говорит
На страницах тайных дел необычайных,
Что она творит!

В тягостном томленьи и недоуменьи
Вкруг себя гляжу!
Отчего ж доныне, словно на чужбине,
В мире я брожу?
Или нет привета, истины и света
В мире для меня, —
Чем душа богата, щедро без возврата
Расточаю я.
А даров бессмертных и богатств несметных
Много у меня.
В глубине сердечной торжествует вечность,
И душа полна...
И не мне ль сияла, не ко мне ль слетала
Пышная весна!
Сущность всех явлений, тайна всех творений
Вечный свет огней, —

Воинства вселенной в силе неизменной, —

— Все в душе моей.

Что ж это значит, в мире не маячит

Никакой мне свет?...

И брожу я сирий, — в этом пышном мире

И угла мне нет!...

48. Вы не знаете, не знали, вам разгадки не найти, —
Нас ведут в какие дали жизни высшие пути!

Кто посеял, как посеял в мире правды семена,
Кто ж туман времен развеял, кем разгадка найдена?

Тысяч тысячи столетий пронеслись, как миг один,
Но познать земные дети не могли немых глубин.

Но в себя взгляните сами и услышите порой,
Как в душе звучит струнами лира вечности самой.

И события, и вещи, словно быстрая река,
Проносились с тайной вещей, — уносили их века.

И с вопросом без ответа улетали навсегда,
Словно птицы к свету солнца — из родимого гнезда.

И мечтательному взору давши тайну и мечту,
Звезд тоскующие хоры уходили в пустоту.

Но во всем и неизменно, неумолчна и полна,
Лира вечная вселенной неужель вам не слышна?

Чередой неперенной без числа века прошли —
— Дела вечного вселенной вы постигнуть не могли.

Ведь имеет мир безгранный душу, сердце и язык,
Но ваш взор во мгле туманной видеть только зло привык,

И страдания и муки; дух ваш голодом томим,
Чужды вам иные звуки, звукам чуждые земным.

Песнь Великого Начала, песня вечности самой,
Не для вас она звучала и осталась вам чужой.

Посмотрите, как весною ярки пышные цветы
И несут они о собою тайну неги и мечты.

Посмотрите, как весною ярки пышные цветы,
О пространствах бесконечных, о далеких небесах.

Все живущее, земное, — все имеет свой черед,
И движенье мировое с ним свершает свой полет.

Так ужель в волнах эфира, в необятности миров,
Не звучит живая лира всей вселенной голосов?

Кто бы мог мелодий звуки без органа воплотить,
Нужны струны в наши руки, чтоб могли мы песнь сложит!

В чаще девственно глубокой хоть тропинка пролегла, —
— Издалека и далеко, где царит немая мгла.

Неужели во вселенной нет единого пути,
Чтобы в вечность неизменно сонмы сущие вести.

И прекрасен, и чудесен, необятен этот свет, —
Неужели же для песен у вселенной лиры нет?

Нет, она имеет лиру, как имеет чудеса,
И кругом звучат по миру вечной песни голоса!...

И торжественно, и вечно хор таинственный звучит,
И о чем то бесконечном в струнах лиры говорит.

От далекого начала песнь свою из века в век
Лиры чудная слагала, —

Эта лира — Человек.

III. ВДОХНОВЕННЫЙ ТРУД.

1. КУЗНЕЦ.

Угрозой молний мыслишь ты, храбрец,
И жизнь, и душу знающий ковать.
Что не стучишь ты, молотом, кузнец,
И наковальню бросил отдыхать.

На молнию взгляни,
Чело свое открой,
Увесисто ударь
Могучею рукой!

Бей, бей же молотом кующим без конца —
Железные сердца и души божьих тел...
На наковальне той дыханьем божества
Зачнется океан громовых мыслей — стрел.

И пусть могучий молот твой
Победно дышет и гремит,
И вихрем мысли огневой
Весь мир воспламенит.

Мир — кузница, где брызжет искрой дух,
От горна с молотом — рождается человек,
Ведь молния — рука, а сердце — гром,
Ударь, еще ударь, и куй из века в век.

Зажги миров хаос
И мерзкий, и пустой,
Идеей сделай мир, —
И кованной душой.

Небесной синевы искристая лазурь
Виденье — кузницу прославит массой звезд,
А дол и высота, вдохновлены тобой, —
— Горящий Арарат, горящий Алагез.

И сердце, и жите —
Добро и зло вокруг
Сольются в огневой
Горящий кратер дух

Ты волю дай челу, могучий мой кузнец,
О наковальню бей ты молотом побед.
Без устали ударь, еще ударь и куй,
И пусть убогий мир отыщет верный след! . . .

2. Вставай же, товарищ, и вместе с тобою
Пойдем в эти дали путем мы одним.
Там вечность, там солнце горит красотою,
Вставай, мы твердыни врагу не сдадим.
И пот наш, и кровь, что лилася ручьями,
И стоны, и муки, что в мире царят,
Победно зовут нас на битву с врагами,
И новую жизнь, и весну нам сулят.
Великое дело вселенной творится,
Победа даст радость грядущим векам,
Победой, как солнцем, весь мир озарится —
И даст она вечную славу бойцам.
Вставай же. Пойдем мы победно и смело —
По красной дороге к желанной весне.
Вставай же, рабочий, за правое дело,
— За правое дело в великой войне.
Вставай, мы врагам не уступим твердыни —
— И солнце, и труд призывают нас выне.

Вперед мы бесстрашно и гордо идем,
Мы смело глядим сквозь туманы,
В груди у нас бури грохочущий гром,
Над нами ревут ураганы,
И молнии блещут во тьме облаков, —
— Не страшен нам бой предстоящий.
Лишь гнев наш победный, как гений творящий,
Создаст новый мир нам и новых богов.

Вставай же, товарищ, пойдем мы к святыне
Далекого солнца, весны молодой.
Вставай же на праведный бой, —
Врагу не уступим мы нашей твердыни.

Пусть горе и муки грозят впереди,
Пусть море страданий бушует в груди, —
— Зовет нас Труд — Солнце вперед за собою, —
Вставай и пойдем мы дорогой одною...

3. Вы течете, словно лавы, вы несете гром с собой,
Вы, как море, величаво грозно двинулись на бой.
Ждете вы победы скорой, чтоб разбить и отряхнуть
Цепи рабства и позора, заковавшие вам грудь.

Мириады лет —

Униженный и подвластный гнету силы и стыда —
Человек восстал и страстно вдруг потребовал суда,
Он идет в грозе и буре с красным знаменем святым,
Уж горит весна в лазури. Преклонитесь перед ним.

Мириады лет

Сердце ныло и болело, в мире ваших слез — моря,
Кровью вашею алела в небе яркая заря.
О великом вашем горе окликались леса,
И сливались в грустном хоре — всей природы голоса.
Проходили годы, годы в муках тягостной борьбы.
— Перед знаменем свободы встаньте павшие рабы.

Мириады лет

Раздавался звук ужасный, — звон мучительных цепей,
Пел о вас порой ненастной ветер песни средь полей,

В час печального заката тихо плакала заря.
Палачи, пришла расплата, испугались вы не зря.
Для последнего расчета беспощадный суд идет,
Ваше смрадное болото вас уж больше не спасет.
Там источники порока, в нем обман и зло живут...
Суд идет, — Он недалеко. Он последний страшный суд.

Словно огненная лава, с громом, бурей и грозой,
Словно море величаво, подымайтесь вы на бой.
Вы герои жизни лучшей. Только в вас одних живет
Дух свободы, дух могучий, дух сияющих высот!
В руки молнии возьмите, — это меч достойный вас,
Сердце в лаву обратите, чтобы пламень не погас...

О, восстаньте же могучи. В бой, безтрепетный боец, —
Чтобы встало из за тучи солнце правды наконец.
По дряхлеющим кумирам бей, рабочий, смело бей,
Чтоб взошло над новым миром солнце светлых, лучших
дней!...

4. ШЕРСТОБОЙ.

Солнце над нами еще не сияет,
Мрак неподвижный в долине стоит,
Душу победный порыв окрыляет,
Гений наш новую жизнь сотворит.
Спой же, товарищ, нам песню невзгоды,
Песню о крови, тоске и слезах, —
Ты, что умеешь творить небосводы,
Спой о великих грядущих путях.
Словно туман, застилающий взоры, —
Ранней зарею в предутренней мгле,
Видим мы шерсти нечищенной горы,
— Грязной и мрачной, как жизнь на земле.
Ждет, она ждет, чтобы сильные руки
Лучшее в ней лишь могли отделить,
Много нам надо и воли, и муки,
Чтобы великое дело свершить.
Ходит лучок шерстобитный, могучий,
Мудрый стоит шерсточес.

Бей же, все бей и смелее, и лучше, —
Чести и славы вершится вопрос.
Чисть эту шерсть неустанные годы,
Только так, только так
Нашей жизни рассеешь ты мрак —
Для великого дела свободы...
Ты, кто можешь и солнце, и мысль сотворить,
Спой, товарищ, нам песню о горе.
Шерсточесу свободу дай жить,
Шерстобитню раскинь на просторе.
К возрождению вечному нас поведут
Наши песни, порывы и воля, и труд...
Словно молнии, мысли сверкают,
Пусть морщины у нас на челе,
Наше дело здесь жизнь очищает.
И нет дела славней на земле...
Разгоняет оно и туманы и мрак,
Вот так, вот так...

Друг, взгляни, что ты видишь вдали,
Что ты видишь вокруг, на просторе,
Эти ужасы, скорбь и печали земли,
Это крови и слез вековечное море!...
И потоком бурлящим несутся на нас
И неправда, и зло с силой новой,
И с змеиной душой человек каждый час
И терзает, и мучит другого.
Но испытан и мудр шерсточес,
И лучок наш не знает покоя.
Так бей же, товарищ, умелой рукою,
Нечищенной шерсти гора пред тобою, —
— В ней чистое с грязью слилось.

Очисть эту жизнь от невзгод и печали,
Очисть. Наше сердце порывом горит.
Так бей же, товарищ. Нас труд не страшит, —
Мы рвемся в широкие дали.

Лишь жизнь очищая упорным трудом
Мы к солнцу, мы к небу пойдем.
Хаос нашей жизни безумной и темной
Родился с началом веков и миров.
Как грязная шерсть в этой груди огромной
Он ждет возрожденья от наших трудов.
И зло, и добро в нем в едином слияньи —
И вечная правда, и ложь, и порок.
Ничтожны и мелки людские деянья,
Но нам не изменит наш верный лучок,
Под мощным ударом он молнией блещет.
Так бей же, товарищ, трудись,
Ведь здесь, в шерстобитне, как в чреве, трепешут
Высокие мысли, что в ней зачались.
И если действительно хаос кипящий
И правду и ложь слил в одну темноту,
И если действительно разум творящий
Провел между ними черту ...

И если действительно, — в груди огромной
Нечищенной шерсти, в грязи ее темной,
Есть чистая часть, и бела и нежна,
И если нас ждет молодая весна —
— Победу в грядущем одни нам дадут —
— Порыв вдохновенный и творческий труд.

Так пусть же, пока на небесном просторе
Сияют нам звезды, — лампы миров,
Пока раз'яренное бурное море
Клокочет среди берегов, —
— Пусть верный лучок неустанно мелькает,
И пусть под ударом лучка
Победная молния ярко блистает...
Так бей же, товарищ. Не дрогнет рука.
Все чисть эту шерсть, все трудись неизменно,
Из темных глубин мы ее извлечем
И правду, и разум, и смысл мы поймем
Возвышенной жизни вселенной.

И кто же не скажет- что мир наш кругом —
— Одна шерстобитня большая.

А мастером время работает в нем,
Хаосы времен проясняя.

И шерсть неустанно и чистит, и бьет,
И чистые части отдельно кладет...

О, ты, шерстобитня великой вселенной,
Ты звезды и солнце, и нас родила.
Вставай же, товарищ, работай бессменно,
 Рука и крепка и смела.

Лучок не изменит, и мы не ленивы,
 Усталость неведома нам.

Так бей же, товарищ, рукой терпеливой, —
 — Сторицей воздастся трудам.

Пусть там, в шерстобитне великой вселенной
Творятся миры все один за другим,
Мы здесь, в шерстобитне своей, неизменно
И звезды, и солнце, и правду творим...

5. ТКАЧИ.

Из храма труда и великих идей
Вы вышли, ткачи! Миновали
С тех пор уже тысячи тысячей дней,
Вы шли неустанно и ткали.
И тысячу тысячей гибель ждала
В бушующем море и крови, и зла.

На гордом пути вас ничто не страшит,
Вы ткали несчетные годы.
На вашем челе вдохновенье горит,
И дышет в вас пламя свободы.
Вы ткали и шли вы бесстрашно на брань, —
И соткали истины вечную тканьь.

О тките же, тките умелой рукой,
Ткань мысли могучей сотките,
И истины вечной, и жизни иной
Для мира вы ткани творите.
Останутся вечным ваш гений и труд,
И солнце, и звезды вам славу споют.

И гордо, и смело вершите ваш труд.

Пусть от ступени к ступени
Нас к лучшей и радостной жизни ведут
Ваш труд и ваш творческий гений.
Не там ли на небе, меж звезд у Творца
Шумят и сверкают станки без конца!

Ни крови, ни сил не жалея своих,
Сплетайте послушные нити.

Для вечности мысли, для истин святых
Вы ткань неустанно творите.
Пусть разума солнцем над сонмом миров
Соткется бессмертная мысль из основ.
Морщины чело омрачают порой,
Но в сердце свобода пылает.
Так тките же, тките, пока над землей
Могучее солнце сияет.
Великое дело вам жизнью дано, —
Так тките, все тките свое полотно.

Цветные узоры роскошных ковров
Все тките, без отдыха тките,
И солнце из мысли и разум миров,
Творите, творите, творите.
Да будет вам пряжею весь этот мир —
И солнце, и звезды, и вечный эфир.

Сотките вы вечность гармонии нам,
А ваши печаль и невзгоды,
И песни призыва летят к небесам
На радостных крыльях свободы.
И тем, кто здесь вечно все ткут, и все ткут,
Бессмертную славу они пропоют.

Трудитесь. Задача у вас велика.
Сучите послушные нити.
Вы мысли великой ткачи у станка,
Без отдыха тките и тките,
Чтоб разума солнце над миром взошло,
И светом, и гением жизнь нам спасло.

И время, и жизнь приготовят для вас
Из жизни и мысли основы,
Чудесных узоров волшебную вязь
Сотките для радости новой...
Сотките узоры для мира скорбей,
Весны и свободы ликующих дней.
Работа кипит и грохочут станки
Шумят под рукой веретена,
Проворно в основе бегут челноки,
Все полно и шума, и звона.
Следит напряженный внимательный взор,
И новый уже выступает узор.

И пряжа пред вами горою лежит,
И ждет она преображенья.
Природа в гармонии вечно творит, —
Не это ль ее назначенье.
Сотките же новую жизнь нам, ткачи,
И нового солнца живые лучи.

Цветные узоры роскошных ковров —
Созвучья любви и свободы,
И солнце, и разум обширных миров —
— Сотките из пряжи природы.
Шумите, колеса, гремите, станки,
Под опытным взмахом искусной руки.

Гремите, творите. Ведь вы созданы
Чтоб выткать в чудесном узоре
И вечность для мысли, и светлые сны,
И всю красоту на просторе.
Пусть вихрятся силы огня и труда,
Вам — яркая слава везде и всегда.
Вам вечная слава. И верен ваш путь,
О тките, ткачи, неустанно!
Пусть пламя и гений, сжигающий грудь,
Горит, как звезда из тумана.
Смелее, смелее идите на брань,
Сотките и мысли, и истины тхань.

Трах-трах-трарарах, трах, трах-трах-трах...

Высоко взвивается знамя.

Пусть новое солнце горит в небесах,

Иное пусть греет нас пламя

И веет дыханием новой весны

На наши земьные, тревожные сны!...

6. ФАБРИКА.

Вставайте, миллионы героев труда,
Труд — солнце прогонит заботу.
Призывно мелькает маяк, как звезда.
Вставайте. Пустите в работу
Могучую фабрику мысли и слов, —
Для творчества в жизни возвышенных снов.

Миллионы столетий промчались с тех пор,
Как в мире — насилие и горе,
Как жизнь омрачили и скорбь, и позор,
Явитесь, как воины в споре!
Миллионы столетий готова на бой
Та мощная фабрика мысли живой,

Чтоб в вечном порыве, могуче светло,
Смести навсегда все невзгоды,
И рабство, и слезы, — чтоб солнце взошло,
— Великое солнце свободы,
Чтоб новые весны взошли над землей,
И мир обновился бы новой весной.

Милльоны столетий, средь крови и мук,
Работала фабрика эта.
Она разливала сиянье вокруг
Победного яркого света.
И ею озарен средь земной темноты, —
— Лишь ею, — путь правды, добра, красоты.

II.

Вставайте, вставайте. герои труда,
Труд — солнце прогонит заботу.
Для творчества призваны вы навсегда.
Готовьте же все на работу.
Несите топливо, железо скорей, —
Оно для работы всего нам нужней.
Годами собирайте и сталь вы, и медь,
Бросайте их в горн неизменно.
Он должен гореть, непрерывно гореть —
Божественный горн вдохновенный.
Питайте, питайте, чтоб даже на миг
Шум фабрики жизни и мысли не стих.

Пусть вечно ревет и клокочет в котлах —
Великое плавится дело.
Тах-тах-тарарах, тах тах, трах трах трах...
Ну смело, рабочие, смело.
Моторную ручку держите сильней,
Чтоб ходу машины дать скорость верней.

Пускай колесо маховое свистит,
И молнии брызжут сильнее,
И творчество громом для мира гремит,
И мысль протекает быстрее.
Мильоны частей пусть шумят и звенят
И в стройном созвучии творят и творят.

И в бешеном вихре палящих огней,
Страстей и ударов проворных,
Создатель грядущих, возвышенных дней,
Ты вечен при пламенных горнах!
Ты, мастер, бросающий искры во тьму,
Чем ты уступаешь Творцу самому.

Скорей, все скорей, все вперед и вперед.

Скорей, чем движенье кометы.

Порыв вдохновенней пусть будет, чем тот,

Что создал и мир, и планеты,

Так бейте же, бейте по звонким станкам,

Рабы угнетенные бросятся к вам.

Скорее, скорее несите металл,

Звонящие меди и стали,

Чтоб грозно поднялся их пламенный вал,

Кругом бы пожары сверкали.

Высокие мысли вам надо излить

И бога из огненных волн сотворить.

Забудьте седые сказанья времен

О мощи богов, о твореньи, —

— Все сказка, все только бессмысленный сон, —

Металл лишь источник рожденья.

Всемирная мысль в нем пылая кипит,

Как гений, и вечно творит и творит.

III.

Ты, фабрика жизни и мысли, таишь
В себе чудеса вдохновенья.
Колеса шумят, ты огнями горишь,
— Великая сила творенья!
Как вечность, ты гордо пылаешь всегда, —
Вставайте, вставайте герои труда!

Ломайте леса вековые, с корней
Срывайте и скалы, и горы,
Возьмите у солнца всю силу лучей,
У ветров — их буйные споры.
Себе покорите грохочущий гром, —
— И чудо возможным вам станет потом.

Проникни вглубь неба, в туманы, туда,
Где кроется тайна творенья,
Чтоб фабрика жизни дышала всегда
Могучим огнем вдохновенья,
И к звездам стремилась, в неведомый мир,
Таинственной истины вечный кумир!...

Луна, для чего ты над нами горишь,
По небу неведомо бродишь.
И только в ночную, безмолвную тишь,
Нам скуку на душу наводишь.
О, вы, караваны небесных светил
За вами взор фабрики зорько следил.
Все может она, — ваш неведомый ход —
Направить иными путями,
На небе далеком сдержать ваш полет!
Та фабрика истины зная,
И истины ткань ткёт она, день и ночь,
И вам побороться с ней будет невмочь.

Так бейте же, бейте по звонким станкам,
За вами стекутся народы.
Высоко восходит огонь к небесам,
На битву зовет он природу.
Из стали и мысли ты колокол слей,
И мощной рукою в тот колокол бей.

Пусть звон раздается великих побед
И жизни земной возрожденья.
Звони же смелее, вселенной в ответ,
Ты, радостный вестник спасенья!
Пушай долетит до далеких миров
Твой звон вдохновенный, — рушитель оков.

И песню о правде металла пропой,
О новых путях идеала,
Сияющих новой, иной красотой,
О волнах горящих металла,
Горящих, как гения мысль глубиной,
Так бей же ты в колокол смелой рукой!

Пусть звон вдохновенный по миру бежит.
Звони, ни на миг не смолкая.
Пусть истина вместе со звоном летит
По миру от края до края.
И бейте, все бейте по звонким станкам.
Народы восстали и бросились к вам.

Пусть мысль и металл, как огонь, потекут,
Их красное пламя священно.
И вызов, и гнев свой пусть гений и труд
Пошлют небесам дерзновенно!...
Ты, фабрика жизни, добра, красоты
И вечного света и вечной мечты!

Никто твоих подвигов здесь не сочтет.
Прекрасны твои вдохновенья.
Природа, все сущее жаждет и ждет
От творческих сил воплощенья,
И гений труда к совершенству зовет,
И страстный порыв увлекает вперед!

Милльоны рабочих тобою живут,
Ты пища души их и тела.
Они за тобою повсюду пойдут,
Воспрянь на великое дело,
Чтоб огненной массой расплавленных сил
Твой гений неправду и зло поразил.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Страница
Мышление Сердцем, статья Р. Куллэ . . .	7
А. А. Амбарцумиан (критический очерк) Ф. Зарин-Несвицкого	19
Пролог	31
I. Восьмистишия	35
II. Песни Песен	91
III. Вдохновенный Труд	175

Замеченные опечатки:

№№ по порядку	№№ стра- ницы	№№ строки сверху	Напечатано	Должно быть
1	16	11	невольно	невольно
2	22	5	созаны	созданы
3	24	19	Эта мысль	Эту мысль
4	26	14	дерзостью	дерзостно
5	26	19	явкостью	яркостью
6	27	5	Пытайте, пы- тайте	Питайте, пи- тайте
7	28	5	искру в тьму	искру во тьму
8	29	1	скаэть	сказать
9	33	5	ветом	ветром
10	51	7	пророда	природа
11	55	3	нищ	нищ
12	84	7	срдце	сердце
13	85	2	Сред	Средь
14	94	6	светлп	светил
15	125	12	на вашей	над вашей
16	132	17	псходящем	исходящем
17	139	20	томяс	томясь
18	163	9	прокляте	проклятье
19	163	13	вращают	вращает
20	165	10	горкой	горькой
21	166	6	душа	дума
22	170	3	Что Ж это	Что же это
23	170	6	И угла	Где угла
24	172	13	Как весною ярки пытные цветы	Как поет ветер вечный о мирах
25	197	5	И ею	И ей
26	197	13	Годами	Горами
27	201	6	зорько	зорко

ԳՍՍ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.

EL 0271242

P II
484458

Для стран С. С. С. Р. ~~Руб. 2.—.~~
За границей Доллар 1.50.